

**ВЛАДИМИР ГЕРМАНОВИЧ БОГОРАЗ:
УЧЕНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

*Опубликовано: Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. -
М.: Наука, 2004.*

Детство. Отрочество. Юность. Владимир Германович Богораз родился в апреле 1865 года¹ на Западной Украине в городке Овруч Волынской губернии - «в глуши Волынского Полесья», если пользоваться его собственным образным выражением. Родители назвали ребенка Натаном. Приняв в 1885 г. православие, в соответствии с обычаем, Богораз получил новое имя – Владимир, и отчество по крестному отцу – Германович. Имя Натан он все же сохранил в виде конспиративного имени и литературного псевдонима: Н.А.Тан. Впоследствии Тан превращается в приставку к фамилии - Тан-Богораз или Богораз-Тан. Своему двойному имени В.Г.Богораз придавал особое значение, рассматривая его как отражение разных сторон своей деятельности, а в более широком смысле – как двух своих ипостасей, различных интересов и устремлений: «И так я стал человеком двуличным, двойственным. С правой стороны Богораз, а с левой незаконный Тан».² Тан – это «революционер, потом беллетрист, ненасытный художник, всемирный гражданин»; Богораз – «малодушный обыватель», ставший «профессором частной этнографии», «ученым хранителем отдела МАЭ АН СССР».³

Его отец – Мендель (в русифицированном варианте – Максимилиан Маркович) Богораз происходил из раввинской семьи. Мужчина огромного роста и силы, был он человеком недюжинным, наделенным многими талантами, очень предприимчивым, азартным и веселым. Он обладал прекрасной памятью – Библию и талмудические книги знал наизусть. Был весьма музыкален, пел приятным тенором и неоднократно служил в синагогах хазаном (певцом). Имея склонность к литературе, отец довольно много писал на иврите и идише и даже кое-что напечатал. Мать происходила из купеческой семьи городка Бара Подольской губернии. В семье было восемь человек детей: четыре брата и четыре сестры.

В наследство от родителей Натану достались активная, подвижная и живая натура, азарт к жизни, талант к языкам, великолепная память и, как он сам отмечал, склонность к литературному творчеству – «вкус к литературе»⁴, не изменявший ему на протяжении всей жизни.

Вскоре после рождения Натана семья переехала в Таганрог. Свое детство В.Г.Богораз вспоминал как вполне счастливое. Учился он в классической греко-римской гимназии, той же, где двумя классами старше учился А.П.Чехов. Учеба давалась мальчику легко, да и гимназия, как вспоминал он позже, была «либеральной», в том смысле, что «требовали мало, а знали еще меньше».⁵ Аттестат зрелости, выданный Натану Богоразу

¹ Точная дата рождения, как отмечал В.Г.Богораз в своей автобиографии, была ему неизвестна: «кажется, 15 апреля» (по старому стилю). Рано научившись читать и освоив основы арифметики, юный Натан стремился как можно раньше начать учебу в гимназии. Идя на встречу его желанию, отец нашел возможность выправить для него метрическое свидетельство, в котором значились другая - более ранняя, дата и место рождения: 1862 г., Мариуполь. См.: Автобиография В.Г.Тана-Богораз (1926-1927). Архив МАЭ РАН (далее АМАЭ). К.1, оп. 1, № 380. Л.1-2.

² Автобиография В.Г.Тана-Богораз (1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 382. Л.18.

³ Там же. Л. 22-23.

⁴ Автобиография В.Г.Тана-Богораз (1926-1927). Архив МАЭ РАН (далее АМАЭ). К.1, оп. 1, № 380. Л.3.

⁵ Там же. Л. 7.

после восьмилетнего обучения в Таганрогской гимназии, свидетельствовал, «что на основании наблюдения за все время обучения его в Таганрогской гимназии поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в отношении письменных работ весьма удовлетворительная, прилежание весьма удовлетворительное, любознательность по русской словесности похвальная». Годовые оценки в аттестате по всем предметам отличные, экзаменационные – хорошие.⁶

Дух революционной борьбы народовольческого толка вошел в жизнь братьев и сестер Богоразов очень рано. Вероятно, самым серьезным проводником радикальных настроений в семье была старшая сестра Перль (Прасковья), учившаяся в Петербурге на Высших женских (Бестужевских) курсах и принимавшая активное участие в деятельности сначала «Земли и воли», а затем «Народной воли». В 1878 году она возвратилась из Петербурга в Таганрог, как писал В.Г.Богораз, в своей автобиографии, «добела раскаленная народовольческим огнем».⁷ Прасковья привезла из Петербурга нелегально изданный в Женеве в 1877 году сборник «Из-за решетки». Революционные стихотворения народовольца С.Синегуба, напечатанные в этом сборнике, произвели на юного Богораз впечатление настолько сильное, что позже он заявлял, что «вошел в революцию именно через яркие стихи <...> Синегуба».⁸ Не только Натан, но и его братья вслед за старшей сестрой «прошли через революцию». Прасковья судилась по Киевскому делу и умерла в Московской пересыльной тюрьме вместе с грудным ребенком. Следующий за ней брат Сергей, принявший участие в Горловском восстании рабочих в 1905 году, опасаясь смертной казни, бежал за границу. Другой брат, Николай, прошедший тюрьму и ссылку, при советской власти стал известным хирургом, профессором Ростовского университета.⁹

Весной 1880 года после окончания гимназии Натан Богораз, которому не было еще и шестнадцати, вместе со старшей сестрой уехал в Петербург. В Петербурге перед его деятельной натурой раскрылось великое множество возможностей не только продолжить образование, но и найти применение своим склонностям и устремлениям. Осенью 1880 года он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Первый год в Петербурге Богораз провел довольно уединенно. На лекции, по собственному признанию, ходил мало, зато много читал и овладел французским и немецким языками до такой степени, что смог поддерживать себя финансово переводами с французского Золя и Мопассана для «Отечественных записок».¹⁰ На следующий год, повинуясь тяге к наукам гуманитарным, он перевелся на экономическое отделение юридического факультета и легко сдал экзамены за первый курс. Одновременно Натан, войдя в тайный студенческий кружок по изучению трудов Карла Маркса, успевал уделять внимание своему политическому образованию. Посещал Богораз и другие кружки «более решительного свойства».¹¹ Уже к концу 1880 года он становится членом кружка «Народной воли», которым руководил А.Желябов.¹² Постепенно стихия политической борьбы все больше и больше затягивает Богораз. Горячая увлеченность народовольческими идеями, жажда деятельности и стремление «лечить российское самодержавие железом и огнем, а точнее – динамитными бомбами» вскоре приводит к закономерному результату. В ноябре 1882 года за участие в очередной студенческой нелегальной сходке Богораз был арестован и выслан сначала в Ростов-на-Дону, а вскоре за этим - по собственному выбору - в Таганрог под негласный надзор полиции.

⁶ ЦГИАЛ. Ф.14, оп.3, д.21041, л.36.

⁷ Автобиография В.Г.Тана-Богораз (1926-1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 380. Л.9.

⁸ ПФ АРАН. Фонд 250, оп.3, ед.хр.73. Л. 3.

⁹ Автобиография В.Г.Тана-Богораз (1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 381. Л. 1

¹⁰ Автобиография В.Г.Тана-Богораз (1926-1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 380. Л.11.

¹¹ В 1880-1881 г. формируется Центральный университетский кружок под руководством А.Желябова и С.Перовской

¹² Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 383. Л.8.

С этой высылки, как считал сам В.Г.Богораз собственно и «начинается политическое бытие» восемнадцатилетнего революционера. Он активно включился в пропагандистскую работу - организовал политический кружок для гимназистов старшего класса, выпускал прокламации, а в сущности, не столько с революционным энтузиазмом, сколько с мальчишеским азартом, досаждал начальству. Как он сам позже вспоминал, политическая экономия юным революционерам быстро наскучила, и вскоре кружковцы под руководством Богораза приступили к «политическим и даже военным действиям» - к войне с новым учителем греческого языка, квартиру которого взорвали самодельным снарядом.¹³

В начале 1883 года революционная деятельность Богораза приняла более серьезные формы. Он вошел в состав руководства организованного в Таганроге центрального народовольческого кружка, читал рабочим завода общеобразовательные лекции по политической экономии, истории и социологии. От чтения лекций перешли к подготовке первой в Таганроге рабочей стачки на заводе. Все это не могло не обратить внимания полиции. Во время обыска у Богораза нашли черновик составленного им воззвания к рабочим с призывом дружно провести стачку и создать на заводе кассу взаимопомощи, а также «литературу» (нелегальные народовольческие издания). 17 июня 1883 года Богораза арестовали и заключили в Таганрогскую тюрьму. В одном из вариантов своей автобиографии В.Г.Богораз писал о таганрогской тюрьме: «Именно там для меня началось одновременно общение с народом, человеческое “дно” и Кузькина родительница. Там же, очевидно, родился мой вкус к полевой этнографии в человеческой гуще, и чем гуще, тем приятнее».¹⁴ Отбыв девять с лишним месяцев тюремного заключения, Богораз поступил под гласный надзор полиции сначала в Таганроге, а затем его выслали в город Ейск.

В конце марта 1885 года, отбыв ссылку, Богораз возвратился в Таганрог, где продолжил читать лекции в народовольческих кружках. Однако такого рода деятельность уже не удовлетворяла его кипучую и темпераментную натуру. Богораз стремился к новому поприщу для приложения своей энергии и нашел его в идее возродить находившуюся к этому времени в тяжелом кризисе «Народную волю». По рекомендации молодого народовольца Бориса Оржиха, на которого Натан произвел «впечатление умственного клада» своей замечательной памятью, природным умом и огромной начитанностью,¹⁵ Богораз входит во вновь организованную южнорусскую группу народовольцев. В состав группы, кроме Б.Оржиха, входили Л.Ясевич, А.Кулаков, А.Сигида, У.Федорова, М.Кроль и другие народовольцы из Новочеркасска, Харькова, Екатеринославля, Ростова, Таганрога, Одессы. Именно здесь судьба впервые свела Богораза с Л.Я.Штернбергом, который представлял в группе одесских народовольцев. На одном из заседаний, состоявшихся летом 1885 года, южнорусская группа решила созвать в Екатеринославле съезд представителей народовольческих групп южных городов России.

В июле 1885 года, вновь высланный из Таганрога, на этот раз в Новочеркасск, Богораз для «целей революции», т.е. главным образом из конспиративных соображений, решает принять православие.¹⁶ «Отдать свое старое имя, звание – жертва была небольшая. К тому же мы, южане, были в то время евреи не очень завзятые»¹⁷, - так оценивал он свое решение. Хотя, пожалуй, его отношение к этому факту своей биографии не было однозначным. Впоследствии Богораз не раз подчеркивал, что евреем он быть не перестал, а рассматривал себя скорее как некоего православного «марана» (крещеного еврея, хранившего в тайне свой Моисеев закон).¹⁸ Впрочем, и о том, что крестился, он ничуть не жалел: «Мелкая народность – это тесная душевная тюрьма, и всех теснее – тюрьма

¹³ Автобиография В.Г.Тана-Богораза (1926-1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 380. Л.27.

¹⁴ Там же. № 382. Л.10.

¹⁵ Оржих Б.Д. В рядах «Народной воли» // Народовольцы. Вып. 3. М., 1931. С. 107-108.

¹⁶ Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). АМАЭ К.1, оп. 1, № 383. Л.13.

¹⁷ Автобиография В.Г.Тана-Богораза (1926-1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 380. Л.56.

¹⁸ Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 383. Л.13.

еврейская – тысячелетнее гетто. Благословляю судьбу свою, что я из этой тюрьмы своевременно вышел».¹⁹ «С ранней юности считал себя не только евреем, но также и русским. И не только российским гражданином, но именно русским».²⁰

Осенью 1885 года В.Г.Богораз, полностью перейдя на нелегальное положение, приехал в Екатеринославль для участия в работе съезда, проходившего за городом с тщательным соблюдением мер предосторожности и конспирации. Участники съезда обсуждали методы предстоящей революционной борьбы. Богораз отмечал в своей автобиографии: «Как это ни странно, но мы в то время относились к террору холодно. Только Штернберг упорно защищал немедленное восстановление террора».²¹ Решено было, прежде всего, восстановить организацию, наладить связи в Москве и Петербурге, а затем уже заняться террором. Волновало членов группы и бедственное финансовое положение организации, в связи с чем встал вопрос о проведении «экспроприаций». После некоторых колебаний эту идею оставили. Обсуждался на съезде и вопрос об издательстве, о литературе, которая могли бы обеспечить пропагандистскую и образовательную работу среди населения, признававшуюся чрезвычайно важным направлением в деятельности партии. Характерно, что именно этот вопрос вызывал наибольший интерес как Богораза, так и Штернберга, которые были, как подчеркивал сам Богораз, «в сущности, литераторами». И именно в этом был их «кровный интерес»²².

В соответствии с решением конференции был подготовлен сдвоенный (№№ 11-12) номер «Народной воли». Появление газеты, отпечатанной в конспиративной типографии организации «Народная воля», было свидетельством жизнеспособности этой организации, вновь воспрянувшей после разгрома и готовой продолжить свою борьбу с правительством. С этим выпуском связан один небезыntenесный, если иметь в виду будущую этнографическую карьеру В.Г.Богораза, факт. В одной из статей было показано состояние русского общества, каким оно виделось народолюбцам, и упомянуты между прочим социально-утопические мотивы в поведении некоторых общественных деятелей, в частности «фантастические затеи» Н.Н.Миклухо-Маклая.²³

В самом начале 1886 года В.Г.Богораз, Б.Оржих, А.Сигида, Н. Малаксиано-Сигида, Е. Тринидатская, У.Федорова и другие народолюбцы подготовили к печати сборник революционной поэзии «Отголоски революции», в который Богораз передал несколько произведений своей революционной лирики: «Два пути», «Матери», «На коронацию», «Проклятое кладбище», «Сон». Начавшийся в Таганроге набор книги был прерван арестом работников типографии, и сборник так и не вышел в свет. Богораз поспешно перебрался из Таганрога в Екатеринославль, где вместе с Оржихом за одну ночь успел отпечатать несколько десятков экземпляров написанной им брошюры «Борьба общественных сил в России». В феврале 1886 года после провала типографий и арестов соратников Богораз, счастливо избежав этой участи, забрал чемодан с отпечатанными номерами «Народной воли» и двинулся на Север, в Москву с тем, чтобы, как и планировалось Южной организацией, наладить связи с московскими и северо-западными кружками народолюбцев.

В Москве, где Владимир Германович вошел в кружок народолюбцев, это намерение приняло более масштабные формы: возникла идея образовать новый всероссийский народолюбческий центр. Не оставлял он и мысли во что бы то ни стало продолжать выпуск «Народной воли». Местом выпуска газеты была выбрана Тула, куда

¹⁹ Автобиография В.Г.Тана-Богораза (1926-1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 380. Л.58.

²⁰ Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 383. Л.13.

²¹ Автобиография В.Г.Тана-Богораза (1926-1927). АМАЭ К.1, оп. 1, № 380. Л.70.

²² Там же. Л.73.

²³ Статья вышла без подписи, но известно, что автором всех статей выпуска был В.Г.Богораз, имевший в данном случае в виду проект вольной переселенческой колонии на островах Океании. См.: Д.А.Тумаркин. Николай Николаевич Миклухо-Маклай (Биографический очерк). Н.Н.Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Том 6. Часть 1. М., 1999. С. 652-653.

Богораз и отправился. В июне 1886 года тульская типография начала работать. В.Г.Богораз писал статьи и вел всю редакторскую работу для выпуска «Народной воли». В это же время московский кружок народолюбцев, с которым он поддерживал тесный контакт, приступил к печатанию нелегального сборника «Стихи и песни», для которого Богораз передал часть стихотворений из так и ненапечатанного в Таганроге сборника «Отголоски революции». Была опубликована и его стихотворная прокламация «Современному поколению».²⁴ В ноябре 1886 года Богораз прибыл в Москву с отпечатанными номерами «Листка Народной воли» и активно включился в работу организации. Он принимал участие в тайных собраниях студентов, встречался с революционерами-нелегалами, намереваясь установить связь с Александром Ульяновым, возглавлявшим петербургскую группу народолюбцев, и координировать работу народолюбческих кружков Москвы и Петербурга.

Осуществление этих далеко идущих планов было пресечено 9 декабря 1886 года арестом по обвинению в принадлежности к организации «Народная воля» и в устройстве нелегальной типографии в Туле. Полтора года Богораз провел в одиночной камере Петропавловской крепости (с 13 декабря 1886 г. по 1 августа 1888 г.). «Страшная вещь – одиночка. Живая могила... Даже и время словно останавливает над тобой свое течение... Ходишь целыми часами по камере взад и вперед, как зверь в клетке, протоптанной ногами предшественников, и все разбираешь от нечего делать прошедшее...», - вспоминал позднее Владимир Германович.²⁵ Именно здесь он впервые взялся за изучение английского языка, доучивать который ему пришлось уже на Колыме.²⁶ 2 ноября 1888 года, уже после его перевода в Дом предварительного заключения, последовало Высочайшее Повеление о высылке в Сибирь сроком на 10 лет. До отправки в ссылку Богораз еще полгода провел в Московской центральной пересыльной тюрьме (Бутырках) в ожидании формирования партии ссыльных, отправлявшейся в отдаленные области Сибири.²⁷

Колымская ссылка. Мучительный путь из Москвы в Средне-Колымск Якутской области начался в мае 1889 года. «<...>По Каме и Оби плыл на арестантских баржах, замурованный в трюме. От Томска до Иркутска шагал по Владимирке пешком вместе с кандалной шпаной. В Красноярске, в пустой пересыльной тюрьме, оголодавшие клопы чуть нас не съели живьем <...> Из Иркутска в Якутск покатили зимою с жандармами на тройках, почти полураздетые. С непривычки страшно мерзли, дыхание замерзает в груди, и сопли мерзнут под носом <...> Поехали в Колымск по двое с казаками, сперва в санях с лошадьми, потом на оленях, а там и верхом на мелких якутских коньках. И так прибыли в нашу далекую Колымскую вотчину <...>».²⁸

«Незабвенные годы в Колымске, - натуральное хозяйство, каменный век вживе <...> Не половишь – не поешь. Ловишь рыбу, едешь на собаках, вместе с собаками кормишься этой рыбой. В амбаре живет горностаи, хватает мышей и таскает мясные куски. На площади гнездится куропатка. Ночью к порогу приходит лисица и лижет помой <...> А морозы такие – плюнешь, замерзший плевков вонзается в снег сосулькой. Было нас полсотни человек. Собак у нас было за 200. Десяток неводов. Рыбы ловили на каждого в год пудов 60, дров заготавливали в общем до сотни кубов. Все своими собственными белыми ручками, кого же заставишь».²⁹ И, тем не менее, при всех сложностях быта, принимавших форму борьбы за существование, жизнь продолжалась и в ссылке. «С русским населением на реке Колыме мы совершенно сблизились, - вспоминал В.Г.Богораз, - Плясали на зимних посиделках, пели вместе с девицами старинные игровые

²⁴ Кулешова Н.С. В.Г.Тан-Богораз. Минск, 1975. С.14

²⁵ Богораз В.Г. (Тан В.Г.). Короленко и сибирская школа писателей // Короленко. Пг., 1922. С. 31-32.

²⁶ Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 383. Л.21.

²⁷ Кулешова Н.С. Указ.соч. С.15.

²⁸ Автобиография В.Г.Тана-Богораз (1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 382. Л.13-14..

²⁹ Там же. Л.15.

песни. По праздникам разыгрывали винт «с прикупкой», «с присыпкой», «с гвоздем», «с эфиопом», «с треугольником» и «классический» простой. А в тяжелые зимние ночи читали напролет увесистые книги на разных языках». ³⁰ Несколько позже страсть к познанию нового привела Богораз и к сибирским аборигенам. «<...> От оседлых народов забрался к кочевым, странствовал с чукчами зимою и летом, ездил с ламутами верхом на оленях. Летом питался падалью оленей издохших от заразы, как полагается по чукотскому укладу – чтоб даром еда не пропадала. Зимой кормился прокисшей «мундушкой» - мелкой рыбешкой из запасных рыбьих ям, как полагается по укладу якутскому». ³¹

Интерес к «народу», в среду которого он попал пусть и не по своей воле, был в определенной степени продолжением народовольческих убеждений Богораз, как он сам это позже сформулировал: «Социальное задание эпохи для последних землевольцев и народовольцев, попавших в дальнюю ссылку на крайнем северо-востоке, состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полуистребленных и почти совершенно неизвестных». ³² Немаловажное значение имело и то, что для Богораз с его живой и деятельной натурой психологическое давление ссылки было чрезвычайно тяжелым. «Какое странное душевное состояние – не лень в собственном смысле, а именно равнодушие... отчужденность... Ваш теплоходный и мокросухой остров все-таки составляет часть земного шара и вместе с ним он живет и движется, если не вперед, то хоть назад. Колымск – это особая планета, даже менее зависимая от земли, чем луна, совершенно чуждая ей, глыба льда, брошенная в безвоздушном пространстве и застывшая без движения над бездной, где всякая случайная жизнь замерзает и задыхается», - писал он Штернбергу на Сахалин. ³³ Богоразу, как и многим другим ссыльным, действительно требовалось найти для себя род деятельности, поддерживающий волю к жизни, интерес к ней, наконец, просто здравый ум. В очередном письме Штернбергу, после обычных сетований на тоску и раздражение от своего праздного существования, Богораз пишет, что он сейчас «заигрывает с этнографией» – «путешествует по краю, прожил шесть месяцев с чукчами, черт их подери, путешествовал верхом на олене, сплавлялся на лодках – все это интересно только лишь этнографу». ³⁴ Тон этих высказываний вряд ли свидетельствует о том, что Богораз с самого начала воспринимал свои занятия этнографией очень серьезно и изначально усматривал в них какую-либо перспективу для себя. Скорее это просто была отдушина в его замкнутом, оторванном от большой жизни мире. Однако через какое-то время стало очевидно, что занятия языком, фольклором и этнографией мало известных народов это не только дело личных интересов и пристрастий, но и востребованные наукой области знания.

Будучи человеком, склонным к языкам, литературному творчеству, Владимир Германович естественным для себя образом свои научные изыскания начал с изучения своеобразного местного наречия и фольклора русских колымчан. В период 1890-1896 гг. он увлеченно записывал русские народные песни, былины, сказки, загадки, пословицы и поговорки колымчан. В 1896 г. В.Ф.Миллер - председатель Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в «Этнографическом обозрении» впервые публикует три из присланных Богоразом семи былин, записанных им в Средне-Колымске, ³⁵ а затем в 1901 году публикует еще восемь вновь записанных былин. ³⁶ Главная же масса русских фольклорных

³⁰ Там же. Л.14.

³¹ Там же. Л.15.

³² Богораз В.Г. Чукчи. Ч.1. Л., 1934. С.ХІІІ

³³ Письмо от 20 июня 1894 г. ПФ АРАН. Ф.282, оп. 2, ед.хр. 34. Л. 2 – 2 об.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ Новые записи былин в Якутской области // Этнографическое обозрение, 1896, № 2/3, с.73-106.

³⁶ Новые записи былин в Якутской области // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1900 г. т. У, кн. 1, с. 36-78.

записей Богораза на Колыме была напечатана в 1901 г. в 86-м томе «Сборника Отделения русского языка и словесности Академии наук».³⁷

В «Областной словарь колымского русского наречия» вошли 153 песни, 103 загадки, 8 скороговорок, 27 пословиц и 5 сказок, записанных в основном от мещан и казаков Средне-Колымска, Нижне-Колымска и Походска.³⁸ Текстам предшествует статья В.Г.Богораза «Песни русских поречан на Колыме», где дана общая характеристика местного песенного фольклора. При игровых (хороводных) песнях описаны сопровождавшие их игры. Подробный словарь колымского наречия с многочисленными иллюстрациями к нему в виде отдельных фраз, заняли 144 страницы текста и очень подробно характеризуют местную лексику. Толкование диалектных слов потребовало и широкого привлечения этнографических данных. Таким образом, словарь содержит не только богатый лингвистический материал, но и ценные сведения о культуре старожильского русского населения Колымы конца 19-ого – начала 20-ого веков.

В 1894 г. Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества на средства, пожертвованные известным промышленником и меценатом И.М.Сибиряковым, была организована Якутская этнографическая экспедиция, исследования которой производились в трех округах – Якутском, Олекминском и Колымском. Руководил экспедицией Д.А. Клеменц. Это было достаточно масштабное (научно и организационно) предприятие. Научные задачи экспедиции были комплексными и включали изучение языка обследуемой этнографической группы, запись фольклорных текстов, похозяйственную перепись для исследования экономического положения населения, сбор архивных материалов, помогающих ознакомиться с местной административной политикой, и, наконец, описание на основе прямых наблюдений бытующих форм материальной культуры, социальных институтов, верований. Для исполнения работ экспедиции были привлечены местные чиновники и священнослужители, а также более десяти политических ссыльных, живших в Якутии. Нужда в образованных людях в отдаленных окраинах России была проблемой настолько острой, что администрации приходилось закрывать глаза на то, что работать ей придется с людьми политически неблагонадежными. Миллер, уже знакомый заочно с научной деятельностью Богораза, счел возможным пригласить его в качестве этнографа заняться изучением местных русских, кочевых чукчей и попутно - ламутов.

Приступив к работе в экспедиции, Владимир Германович вплотную столкнулся с проблемой коммуникации. Русские переводчики, помощью которых он попытался в начале воспользоваться, оказались малопригодными для нормальной работы - выяснилось, что они знают лишь чукотско-русский жаргон, выработанный русскими Колымы для торговых отношений с чукчами.³⁹ Этого было совершенно недостаточно для обеспечения научных задач экспедиции: многие области жизни аборигенного населения совершенно выходили за пределы возможностей этого жаргона. В письме от 15 сентября 1895 г. в ВСОРГО Богораз писал: «Вследствии неимения сколько-нибудь порядочного переводчика как чукотского, так и для ламутского языка мне пришлось направить главное старание на то, чтобы выучиться хоть сколько-нибудь разговаривать с представителями этих племен без посредства других лиц. По-чукотски я до известной степени выучился если не говорить, то, по крайней мере, понимать чужую речь и в настоящее время все-таки мог бы вести среди чукотского племени этнографические исследования, не очень затрудняясь способами выражения и не нуждаясь в переводчике, тем более что русские

³⁷ Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В.Г.Богораз // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 86, прил. № 4. 1901. 346 с.

³⁸ В это издание не вошли только те былины, которые были в 1900 году уже опубликованы Миллером, а также большая часть русских сказок, поскольку Богораз, спешно отъезжая в экспедицию, просто не успел подготовить эти тексты к публикации.

³⁹ Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. М.; Л., 1954. С. 108.

переводчики на Колыме владеют чукотским языком не лучше меня».⁴⁰ Было очевидно, что этнографическое исследование требовало хорошего знания реального чукотского языка, без которого невозможно было изучать ни фольклор как этнографический источник, ни особенности общественного строя, ни культуру. «Еще в самом начале работ я считал, что без знания языка немислимы никакие сколько-нибудь серьезные этнографические исследования. В дальнейшее время условия чукотско-русских отношений показали мне, что знание языка составляет единственный ключ для общения с чукчами, и заставили большую половину времени уделить изучению его лексикологии и грамматики».⁴¹

Почти три года (1895-1897) В.Г.Богораз всесторонне исследует язык, общественный строй, быт и культуру чукчей и эвенов, кочевавших по притокам Колымы – Большому Анюю, Олою и Омолону. Он делает фольклорные записи, изучает грамматику, основы морфологии и отчасти синтаксиса чукотского языка. Знание языка обеспечивало качественную, глубокую и вдумчивую исследовательскую работу этнографа. В ряде длительных поездок Богораза сопровождал чукча Айнганват, оказавший ему «большие услуги для ознакомления с языком и разъяснения различных малопонятных явлений чукотской жизни»⁴². Перед Богоразом все шире и глубже раскрывался мир иного видения окружающего, необычных и своеобразных представлений, понятий, ранее никем из писавших о чукчах не раскрывавшийся.⁴³

Работая в экспедиции, Владимир Германович параллельно принял участие и в первой Всеобщей переписи населения Российской империи, проводившейся в 1897 г. Сам характер переписи (широкий охват собиравшихся данных, включавших численность и географию расселения, племенной и родовой состав, национальную и религиозную принадлежность, распространение местных языков и многое другое) создавал хорошую основу для всестороннего ознакомления с культурой народа, социальными и экономическими основами его жизни, бытовым укладом.

Говоря о роли Колымской ссылки в судьбе В.Г.Богораза, нельзя не остановиться еще на одной стороне его деятельности, которой он сам придавал очень большое значение и в которой, что важно для нас, получили своеобразное отражение его этнографические изыскания. Именно в ссылке Богораз сделал первые шаги в «этнографической» художественной прозе, являющейся, собственно говоря, своеобразным преломлением, свободной творческой переработкой и осмыслением его чукотских фольклорных, лингвистических, этнографических материалов.

Два своих первых рассказа о чукчах – «На стойбище» и «Кривоногий» - В.Г.Богораз. написал уже в 1894 г. В октябре 1896 г. первое произведение из цикла известных «Чукотских рассказов» было опубликовано⁴⁴ под именем Н.А.Тан. В поле зрения Богораза-писателя находились не только подробности чукотского быта, но и мировоззрение героев. Он щедро вводит в рассказ мифологические образы. Широкое и многообразное использование чукотского фольклора, заметное уже в первом рассказе, в дальнейшем станет отличительной чертой творчества Тана-Богораза.⁴⁵ Другой рассказ цикла - «На стойбище» (впоследствии «На мертвом стойбище»)⁴⁶ вводит нас не только в реальный быт чукчей, но и подробно воссоздает их верования, знакомит читателя с

⁴⁰ Иркутский областной музей. Библиотека. Рукописный отдел. № (82) 8. В.И.Иохельсон и В.Г.Богораз. Различная переписка 1894-1896 гг. Письмо № 1.

⁴¹ Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. С.1.

⁴² Богораз В.Г. Краткий очерк об исследовании чукоч Колымского края. Иркутск, 1899. С. 8.

⁴³ Вдовин И.С. Послесловие // В.Г.Богораз. Материальная культура чукчей. М., 1991. С.213.

⁴⁴ Богораз В.Г. (Тан Н.А.) Кривоногий // Русское богатство, 1896, № 10, отд.1. С.85-128

⁴⁵ Кулешова Н.С. В.Г.Тан-Богораз. Минск, 1975. С. 24.

⁴⁶ Впервые напечатан в журнале «Русское богатство», 1897, № 6, отд.1. С.5-45.

представлениями об окружающем мире. Отдельной книгой «Чукотские рассказы» были изданы в конце 1899.⁴⁷

Одновременно с «Чукотскими рассказами» В.Г.Богораз в 1896-1899 гг. пишет новеллы, рассказы, повесть о жизни политических ссыльных на Колыме, которые образовали цикл «Колымские рассказы».⁴⁸ Во второй половине 90-х годов появляются на свет еще несколько рассказов и очерков из чукотской жизни («На реке Росомашьей», «У Григорьихи»)⁴⁹ И уже в Иркутске В.Г.Богораз пишет первую свою «чукотскую» повесть «На Каменном мысу» (1898).⁵⁰ И в повести, и в рассказах щедро использован фактический материал, добытый в экспедиционных поездках по Чукотке.

Любопытно, что буквально с первых шагов на литературно-этнографическом поприще, Владимир Германович получает претензии с двух сторон. Со стороны представителей науки - в том, что склонен порой к достаточно вольной интерпретации строго научных фактов, или, говоря словами Д.К.Зеленина, «беллетрист в нем часто боролся с ученым и нередко побеждал, о чем знают все этнографы, бывшие на докладах и лекциях Богораз».⁵¹ Со стороны почитателей его литературного таланта – в том, что ученый в нем сковывает творческое начало художника. Действительно, например, первоначальный текст некоторых из его «Чукотских рассказов» был перегружен чукотскими словами. Так в журнальной публикации «Кривоногого» находим около 40 сносок, поясняющих смысл того или иного чукотского слова. Как отмечал В.Г.Короленко, в авторе «Чукотских рассказов» воедино слиты серьезный ученый-этнограф и зоркий художник. И хотя в произведениях Тана этнограф порой как бы связывает художника, но зато художник оживляет этнографические наблюдения и описания, которые сами по себе интересны и увлекательны.⁵²

Таким образом этнографическая карьера В.Г.Богораз начинается именно с Колымской ссылки. Работал он абсолютно самостоятельно, не получив никакой специальной подготовки. В свою новую профессию он входил практически самоучкой. Известно, что он не был даже в Якутске, куда приезжал Д.А. Клеменц для инструктирования участников своей экспедиции. Не имея почти никаких пособий по общему языкознанию, он вынужден был и в изучении чукотского и эвенского языков идти совершенно самостоятельным путем. Важно при этом отметить то, что Богораз с первых шагов исследования чукчей понял необходимость овладеть в первую очередь их языком.⁵³ Позднее это положение он сформулировал следующим образом: «Язык является не только орудием для общения с туземцами без посредства переводчиков, часто небрежных и невежественных, он составляет лучшее средство для познания самой народности – средство безошибочное и точное, ибо из каждой фразы, даже из каждой отдельной формы, можно извлечь драгоценные подробности, относящиеся к производственным стадиям, социальным институтам и связанной с ними идеологии».⁵⁴

Собранные в экспедиции материалы Богораз передал в ВСОРГО. Специальная комиссия признала их высокую научную ценность и ходатайствовала о разрешении Богоразу отбывать оставшийся срок ссылки в Иркутске для обработки собранных им материалов по исследованию чукчей. Разрешение было получено, и 25 сентября 1898 года он прибыл в Иркутск. В октябре этого же года на заседании Распорядительного комитета

⁴⁷ Богораз В.Г.(Тан Н.А.) Чукотские рассказы. СПб., 1900. Кроме упомянутых произведений в сборник вошли рассказы «Праздник» и «Русский чукча».

⁴⁸ Богораз В.Г.(Тан). Колымские рассказы. М.;Л. 1931.

⁴⁹ Богораз В.Г (Тан). Восемь племен. Чукотские рассказы. М., 1962.

⁵⁰ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Собр.соч. Т.2. СПб., 1910.

⁵¹ Зеленин Д.К. В.Г.Богораз – этнограф и фольклорист // Памяти В.Г.Богораз (1865-1936). Сб. статей. М.;Л., 1937. С. ХУ.

⁵² Русское богатство. № 5, отд. 2. 1900. С. 19. Рецензия Короленко была напечатана без подписи на сс.18-20 журнала.

⁵³ Вдовин И.С. Указ.соч. С. 107.

⁵⁴ Богораз В.Г. Л.Я.Штернберг как фольклорист // Сборник памяти Л.Я.Штернберга. Л., 1930. С. 85.

ВСОРГО он зачитал свой «Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края», который в соответствии с решением комитета был вскоре опубликован.⁵⁵

Этот отчет явился первой этнографической работой В.Г.Богораза о чукчах, в которой, по компетентному мнению известного этнографа-сибироведа И.С.Вдовина, охватывался широкий круг вопросов не только описательного, но и обобщающего порядка.⁵⁶ В отчете содержатся сведения о расселении оленных чукчей, излагаются некоторые соображения об их происхождении, описываются достаточно подробно обряды, верования, общественные и семейные отношения, правовые нормы, особенности психологии чукчей и пр. Здесь же даны характеристика основных особенностей фонетики и грамматики чукотского языка, первое определение и характеристика жанров чукотского фольклора. К отчету приложены «Перечень собранных материалов» и «Карта маршрутов».

Помимо этого отчета Владимир Германович представил в ВСОРГО свои материалы по чукотскому языку и фольклору, которые были им систематизированы и подготовлены для печати еще на Колыме. Высоко оценив эти материалы, но не имея возможности их опубликовать, Восточно-Сибирский отдел обратился за содействием в Петербург, к Историко-филологическому отделению Академии наук. Рассмотрев это обращение, отделение признало необходимым предварительно ознакомиться с этими материалами, для чего была создана комиссия в составе академиков В.В.Радлова, В.И.Васильева, К.Г.Залемана, А.А.Куника, В.Р.Розена. Эта комиссия «нашла весьма желательным обнародование материалов по фольклору и языку столь мало еще известных юкагиров и чукоч, однако, прежде чем войти в отделение с планом издания, просила членов экспедиции В.Иохельсона и В.Богораза представить образцы собранных ими текстов с грамматическими объяснениями».⁵⁷

В.Г.Богораз в высшей степени достойно справился с тяжелейшим бременем Колымской ссылки. К концу этого десятилетнего периода он располагал уже значительным научным багажом, прекрасно, в тонкостях и подробностях ориентировался в реалиях аборигенной культуры, бегло говорил на чукотском языке, обладал опытом участия в крупном экспедиционном проекте и даже некоторым опытом собирательской работы.⁵⁸ Кроме того, очевидной становится уникальность, огромная ценность и высокая востребованность материалов, собранных им во время вынужденного пребывания в поле. Профессиональные занятия этнографией и лингвистикой становятся для Богораза реальным путем к приобретению определенного социального статуса.

2 ноября 1898 года истек десятилетний срок ссылки. С этого времени В.Г.Богоразу предстояло находиться под негласным надзором полиции и считаться со значительными ограничениями в выборе места жительства. Тем не менее по ходатайству ряда видных деятелей Императорского русского географического общества, Академии наук, в частности, благодаря активному содействию академика В.В.Радлова Владимир Германович получает разрешение властей приехать в Петербург для продолжения своей научной деятельности.

⁵⁵ Богораз В.Г. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края (С картой маршрутов) // Известия ВСОРГО. Том.30. Вып. 1. Иркутск, 1899. С. 1-51.

⁵⁶ Вдовин И.С. Послесловие // В.Г.Богораз. Материальная культура чукчей. С. 214.

⁵⁷ Протокол № 1 заседания историко-филологического отделения от 13 января 1899 г. См.: Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г.Богоразом. Часть 1. Издание академии наук. Отдел 3. СПб., 1900. Т. 11. Часть 3. Предисловие акад. К.Г.Залемана. С. 1.

⁵⁸ Небольшая коллекция Богораза, собранная в Сибиряковской экспедиции хранится ныне в Иркутском областном краеведческом музее (См.: Этнографические коллекции в музеях СССР. М., 1964. С. 16). В «Очерке материального быта оленных чукчей...» Богораз упоминает вскользь об этой своей коллекции (см.: Богораз В.Г.Очерки материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в этнографическом музее Академии наук. Сборник Музея по антропологии и этнографии при Академии наук. 1901. Т.1. С. 46).

Краткое пребывание в Петербурге в 1899 г. В январе 1899 г. 34-летний В.Г.Богораз прибыл в Петербург и приступил к работе в Музее антропологии и этнографии (МАЭ). Министерство внутренних дел разрешило ему пребывать в столице только 4 месяца - с 1 января по 1 мая 1899 года.

Музеем в это время руководил выдающийся ученый и организатор музейного дела академик В.В.Радлов, крайне озабоченный состоянием музейного собрания и предпринимавший самые активные действия для его пополнения и организации научной регистрации коллекций. Один из успешных ходов В.В.Радлова - получение поддержки правительства и обращение от имени Академии наук к местной администрации губерний и краев с просьбой способствовать пополнению музейных коллекций. В 1898 г. в Музей поступили коллекции, собранные начальником Анадырской округи Николаем Львовичем Гондатти.⁵⁹ Это обширное собрание насчитывало около девятисот предметов по этнографии чукчей, коряков, кереков, азиатских эскимосов и эвенов. Именно к научной регистрации этих коллекций и были привлечены вызванный в Петербург В.Г.Богораз, а также находившиеся в это время там В.И.Иохельсон и Л.Я.Штернберг. Единственное свидетельство этой работы, выполненной тремя выдающимися этнографами на заре их научной карьеры, – отпечатанные типографским способом описи коллекций с их личными подписями на обложках. Работа с этими коллекциями была полезна для Богораза и как первый опыт научной музейной деятельности, и как возможность познакомиться с материальной культурой тех групп чукчей, которые ему были еще неизвестны.

Помимо собственно регистрации коллекций Богораз по поручению Радлова, воспользовавшегося пребыванием в Петербурге этого «специального знатока чукотской этнографии»,⁶⁰ пишет и достаточно обширное эссе «Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л.Гондатти». В «Очерке» весьма обстоятельно описаны пища, одежда, украшения, жилище, утварь, оружие, орудия труда, оленеводство, охота, игры и игрушки, идолы и домашние святыни, резные изделия из кости. Описание иллюстрировано многочисленными рисунками и фотографиями предметов, помещенными в таблицы со ссылками на текст. Несмотря на название работы, Богораз в сущности не отталкивается в своем исследовании от коллекционных предметов, а скорее использует их как иллюстрацию, в некоторых случаях как зримое подтверждение своего видения целостной системы жизнедеятельности народа, всего комплекса его культуры. Прекрасное знание этнографических реалий позволило ему продемонстрировать глубокое проникновение в мельчайшие детали и подробности материальной культуры и духовных традиций чукчей. Описание строится на параллельном привлечении данных, предоставляемых предметами культуры (музейными коллекциями), живыми, бытующими традициями, фольклорными материалами, лингвистикой. Практически все предметы из коллекций Н.Л.Гондатти, о которых идет речь в эссе, снабжены чукотскими терминами, часто приводится этимология слова, проясняющая функционирование или происхождение артефакта, его место в культуре. И вообще текст охватывает гораздо более широкие реалии, чем собственно те или иные предметы из коллекции. Скажем, в тексте речь идет о ножах, которыми пользуются чукчи (повод: два предмета из коллекции – большой нож и поясной нож). Говорится, в частности, что металлические ножи, приобретаются чукчами у русских, эвенских, корякских, якутских кузнецов. До появления европейского и американского металла и готовых изделий из него для выделывания ножей служил китовый ус. И во всех преданиях и сказках чукчей постоянно упоминается китовоусый ножичек, которым герой убивает чудовищ и побеждает богатырей.⁶¹ Или чуть ниже на той же странице он пишет о *бола* -

⁵⁹ Н.Л.Гондатти – ученый секретарь Общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, с 1894 г. – начальник Анадырского окружного управления, с 1911 г. – Приамурский генерал-губернатор.

⁶⁰ Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей... Предисловие Н.Могилянского. С.1.

⁶¹ Указ соч. С. 31.

орудии, употребляемом чукчами для ловли птиц, даже не ссылаясь на какой-то конкретный предмет из коллекции, и замечает, что в одной из записанных им сказок *бола* описывается как военное оружие, причем роговые шарики в нем замещены когтями, т.е. крючьями. Использовал Богораз в этой работе и некоторое количество собственных «оригинальных рисунков и фотографий», в частности зафиксированные им сцены обработки шкуры железным скребком, изображения стойбища и жилища кочевых чукчей.

Опубликованный в 1901 году очерк получил в высшей степени положительный отзыв профессора А.Н.Максимова, опубликованный в «Этнографическом обозрении». В рецензии очерк оценен как «весьма крупный вклад в русскую этнографическую литературу», впервые дающий «систематическое и строго научное представление о чукчах, о которых в литературе раньше имелись довольно случайные и разрозненные сведения». А.Н.Максимов справедливо отметил и то, что «личное знакомство автора с описываемым народом играло несравненно большую роль, чем изучение собранных другим лицом коллекций, и без него было бы положительно невозможно такое обстоятельное и отчетливое описание, какое мы имеем в настоящей книге».⁶²

Попытки академика В.В.Радлова добиться для Владимира Германовича продления разрешения на временное пребывание в Петербурге до тех пор, пока он не закончит занятий по разбору этнографических коллекций и изданию собранных им материалов, не принесли результата. И, тем не менее, отпущенный ему короткий срок Богораз сумел использовать очень плодотворно. 10 февраля 1899 года он доложил на заседании Историко-филологического отделения Академии наук подготовленные для публикации «Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранных в Колымском округе».⁶³ Убедившись в высоких научных достоинствах этого исследования, Историко-филологическое отделение на заседании 7/19 апреля 1899 года постановило издать на средства Академии наук собранные В.Г.Богоразом материалы, которые и были опубликованы в следующем году.⁶⁴ Из 168 текстов 48 даны на чукотском языке с подстрочным переводом на русский язык, а остальные в виде пересказов, без чукотского текста. Чукотский текст отличается исключительной точностью передачи грамматических форм и фонетики чукотского языка. Все тексты снабжены подробными и весьма обстоятельными историко-этнографическими комментариями, значительно облегчающими изучение содержания текстов и их языка. Так, к одному из текстов в виде примечаний приложен список названий месяцев чукотского календаря, а также «особый счет времени по сезонам года».⁶⁵ Этот труд, представляющий большую ценность для историков-этнографов и языковедов, и по настоящее время является образцом научного издания текстов устного народного творчества.⁶⁶

7 мая 1899 года Владимир Германович выступил на заседании Географического общества с докладом о русских поселенцах Колымского края. Этот доклад, в котором речь шла об истории русских поселений на Колыме, об отношении колымчан к другим окружающим народам, к администрации, сообщалось о местных промыслах и болезнях, а также подробно описывались суеверия (т.е. мировоззрение) местного населения, был опубликован в том же году.⁶⁷

Плодотворная научная деятельность не помешала Богоразу активно включиться и в политическую жизнь страны. Он развернул кипучую литературную деятельность - сотрудничал с легальными марксистскими журналами «Начало» и «Жизнь»,

⁶² Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С.165.

⁶³ Богораз В.Г. Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г.Богоразом. // Известия Академии наук. 1899. Т. 10. Вып. 3. С. 350-370.

⁶⁴ Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г.Богоразом.

⁶⁵ Вдовин И.С. Указ.соч. С. 110.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Богораз В.Г. Русское население на Колыме // Землеведение. 1899. Кн. 1У. С. 107-120.

прогрессивной петербургской газетой «Северный курьер». На страницах этих журналов он выступал, прежде всего, как поэт. Принимал он участие и в работе литературного отдела журнала «Научное образование».⁶⁸ 27 мая 1899 года на праздничном банкете, устроенном марксистами и народниками по случаю столетнего юбилея А.С.Пушкина, Владимир Германович публично прочитал свое стихотворение «Разбойникам пера», направленное против реакционного «Нового времени».⁶⁹ Такая активность, разумеется, производила на власти самое негативное впечатление, и Богоразу реально грозила высылка из Петербурга.

Еще в начале 1899 года Богораз получил от известного американского ученого Ф.Боаса приглашение принять участие в руководимой им Северо-Тихоокеанской экспедиции, более известной как экспедиция Джекзупа.⁷⁰ Дав принципиальное согласие участвовать в экспедиции, Богораз, крайне занятый своей научной и общественной деятельностью, надеялся отложить экспедиционные работы на 1901 год.⁷¹ Однако, столкнувшись с реальными обстоятельствами – неотвратимой необходимостью покинуть Петербург, он неожиданно для Боаса отказался от своих прежних просьб, согласился на предложенные ранее сроки и включился в экспедиционную работу раньше, чем ему того хотелось. В конце ноября 1899 года Богораз выехал по своим личным делам на Кавказ,⁷² а затем через Берлин, Париж и Лондон – в Нью-Йорк, куда он прибыл в начале 1900 года.

Предложение Ф.Боаса, несомненно, было для Богоразы очень привлекательным во многих отношениях. И, тем не менее, он отнесся к нему не столько как к некому счастливому для его научной карьеры обстоятельству, сколько как к очередному повороту судьбы, уводящему его от чего-то более важного. «Подвернулось приглашение в Америку от Северо-Тихоокеанской экспедиции Джекзупа. <...> Вторая экспедиция-ссылка, на этот раз добровольная»,⁷³ - так писал он в автобиографии о перспективе своего участия в экспедиции. В чем же дело? Очевидно, в том, что научная карьера для Богоразы представлялась делом, несомненно, практичным, нужным и даже интересным, но по большому счету не отвечала его душевному настрою, устремлениям его темпераментной натуры. Но какая-то логика жизни упорно направляла его именно по этой дороге. В феврале 1899 года он писал Л.Я.Штернбергу: «Как Вы знаете, мне выходит с Йохелем (В.И.Йохельсоном – Е.М.) и всей компанией линия ученого исследователя. Но старая закваска бродит и толкает меня на писательскую дорогу. Что будет из столкновения сил двух моторов – неизвестно».⁷⁴

Джекзуповская экспедиция. Северо-тихоокеанская экспедиция Джекзупа, организатором и руководителем которой выступил Ф.Боас – куратор отдела антропологии Американского музея естественной истории (АМЕИ) в Нью-Йорке, до сих пор считается выдающимся событием в истории американской науки.⁷⁵ Центральная проблема, стоявшая перед экспедицией, и, в представлении Боаса, одна из важнейших проблем американистики – взаимовлияние культур Старого и Нового света, поиски истока древних американских цивилизаций. Решение этой проблемы требовало систематических этнографических, антропологических и археологических исследований на обоих

⁶⁸ Кулешова Н.С. Указ соч. С.53-54.

⁶⁹ Там же. С.55.

⁷⁰ Проходила экспедиция под эгидой Мориса Джекзупа – президента Американского музея естественной истории и основного спонсора всех связанных с экспедицией работ. Отсюда название экспедиции, употребляемое далее в тексте.

⁷¹ Vakhtin, N. Franz Boas and the Shaping of the Jesup Expedition Siberian Research, 1895-1900 // Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897-1902. Washington, 2001. P.34.

⁷² Vakhtin, N. Указ.соч. С. 85. Возможно, на Кавказе у Богоразы были родственники. Известно, что его отец был в Тифлисе «данном» – ученым экспертом в области еврейских обрядов.

⁷³ Богораз-Тан В.Г. Автобиография (1927). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 382. Л.17.

⁷⁴ ПФ АРАН. Ф.282, оп.2, ед.хр.34, л.15.

⁷⁵ Freed, S. Freed, R. Williamson L. Capitalist Philanthropy and Russian Revolutionaries: The Jesup North Pacific Expedition (1897-1902) // American Anthropologist, 90 (1). 1988. P. 7.

побережьях Тихого океана. Участие в работе Джезуповской экспедиции – непродолжительный, но очень важный этап в жизни В.Г.Богораза, сыгравший огромную роль во всей его последующей научной жизни. В этой экспедиции (в процессе ее подготовки, проведения и обработки материалов) он впервые тесно работает с профессиональными учеными.

Приступая к организации работ своей экспедиции в Сибири, Боас обратился к В.В.Радлову с просьбой порекомендовать ему молодого человека, способного провести экспедиционные работы на Крайнем Северо-Востоке Азии в течение одного-двух лет.⁷⁶ 23 января 1898 г. в ответном письме Радлов сообщил, что он нашел человека, желающего принять участие в экспедиции – Иохельсона, который только что вернулся из экспедиции к юкагирам, среди которых он жил в течение двух с половиной лет. Но, - писал далее Радлов, - Иохельсон согласен провести в экспедиции только один год и работать только с юкагирами. Для работы среди чукчей Иохельсон, в свою очередь, рекомендовал своего друга – Богораза, прожившего среди чукчей два года и знающего чукотский язык.⁷⁷ Таким образом, Радлов вместо одного молодого человека порекомендовал Боасу сразу двух не очень молодых, но опытных полевиков, заметив в конце письма, что он, к сожалению, пока не смог заручиться согласием Богораза, поскольку тот все еще пребывал в Восточной Сибири, не уточняя, что Богораз отбывал там ссылку.

Рекомендуя Богораза Боасу, Академия наук имела в виду не только интересы Боаса, но и дальнейшую научную карьеру самого Богораза. В предисловии к «Материалам по изучению чукотского языка и фольклора» академик К.Г.Залеман писал: «Остается надеяться, что В.Г.Богоразу удастся пополнить и расширить свои коллекции по возвращении из вторичной поездки, окончить столь удачно начатое дело изданием словаря и грамматики. Таким образом, слава первого научного исследователя чукотского языка навсегда будет связана с его именем».⁷⁸

Летом 1898 года Боас в Германии впервые лично встретился с Радловым и познакомился с Иохельсоном, который готовился в Швейцарии к экзаменам в докторантуру Цюрихского университета. Здесь и было принято принципиальное решение об участии Иохельсона в экспедиции.⁷⁹ Как только его позиция окончательно определилась, Иохельсон стал настоятельно поддерживать кандидатуру Богораза, напоминая о нем в каждом своем письме Боасу.⁸⁰ Наконец, 6 декабря 1898 года руководитель Джезуповской экспедиции в полуофициальном письме предложил В.Г.Богоразу принять участие в его проекте и заняться изучением чукчей на тех же условиях, которые были предварительно согласованы с Иохельсоном.⁸¹

Предлагаемые условия были таковы. Американский музей естественной истории заключал с каждым из участников экспедиции контракт на три с половиной года, предусматривавший ежемесячную оплату в 100 долларов и дополнительную выплату в 4000 долларов на экспедиционные расходы.⁸² Кроме того, АМЕИ обеспечивал

⁷⁶ Vakhtin N. Указ соч. С. 77 (со ссылкой на письмо Боаса Радлову от 4 января 1898 г., хранящееся в архиве АМЕИ).

⁷⁷ Там же со ссылкой на письмо Радлова от 23 февраля 1898 г., хранящееся в архиве АМЕИ.

⁷⁸ Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора..., с.1.

⁷⁹ Cole, D. The Greatest Thing Undertaken by Any Museum? Franz Boas, Morris Jesup, and the North Pacific Expedition // Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897-1902. Washington, 2001. P.38.

⁸⁰ Vakhtin, N. Указ.соч. С.80.

⁸¹ Vakhtin, N. Указ.соч. С.82.

⁸² Сумма оплаты экспедиционной работы Богораза и Иохельсона значительно превышала ту, что была изначально запланирована в расчете на одного молодого, только что закончившего университет исследователя (Лауферу, работавшему на Амуре, например, платили только 500 долларов в год). Тем не менее, Боас пошел на эти непредвиденные траты, небезосновательно надеясь на блестящий результат деятельности двух специалистов в области этнографии и фольклористики, имеющих опыт работы в условиях Северо-восточной Сибири. (Cole, D. Указ.соч. С. 40).

экспедицию фотографическим и другим оборудованием, необходимым для экспедиционной работы и оплачивал расходы на переезды из России в Нью-Йорк, а затем Владивосток и обратно в Нью-Йорк через Россию. Сфера экспедиционной деятельности определялась следующим образом: «Вы должны будете собрать коллекции предметов, отражающих обычаи и физические характеристики населения. Эти коллекции должны включать этнографические предметы всех видов, скелетные кости и черепа – насколько это будет возможно, фотографии и гипсовые слепки. Ваши научные изыскания должны быть посвящены непосредственно этнологии населения, включая тщательное изучение языка и мифологии, и антропометрическим измерениям. После завершения исследований вы возвращаетесь в Нью-Йорк. Возвращение ваше ожидается где-то приблизительно в начале 1901 года. Последующие полтора года вы будете трудиться в АМЕИ над научными результатами полевой работы. Научные результаты и коллекции, полученные во время экспедиции, станут исключительной собственностью АМЕИ. Никакие материалы экспедиции не могут быть опубликованы без разрешения администрации музея».⁸³ С некоторыми дополнениями и изменениями эти условия были приняты обеими сторонами.

Боас хотел, чтобы русские стали его глазами, его ушами и его руками в Сибири. Они должны были отправиться в определенные интересующие Боаса районы, произвести там антропометрические измерения, записать фольклорные тексты, собрать предметы, характеризующие культуру, и привезти все это в Нью-Йорк. Такая работа требовала предварительной специальной подготовки, и Боас указал Богоразу и Иохельсону литературу, с которой они должны были ознакомиться до отъезда в экспедицию. Он послал им копии первых публикаций Дрезуповской экспедиции,⁸⁴ монографию В.Хоффмана по искусству эскимосов,⁸⁵ работы Е.Петитота по индейцам Канады.⁸⁶ Он также порекомендовал им ознакомиться с публикацией А.Крауса по тлинкитам,⁸⁷ своими собственными публикациями – «Indianische Sagen» и только что вышедшей работой по социальной организации и тайным обществам квакиутлей,⁸⁸ и некоторыми другими. Кроме того, - писал Боас, - самая значительная литература по Северо-Тихоокеанскому побережью Америки – это ранние описания Вениаминова, которые, Боас был уверен, свободно можно было найти в Петербурге.⁸⁹

Но с самого начала стало ясно, что у русских свои представления о том, куда нужно ехать и как производить исследования в Сибири. Богораз мыслил себе такой маршрут экспедиции, который бы соответствовал не только, а может быть и не столько целям Боаса, сколько своим собственным научным интересам. Проконсультировавшись с Н.Л.Гондатти, он предложил Боасу такой маршрут: «Лучшим местом для начала экспедиции было бы Марково на реке Анадырь <...> Отсюда к Чаунскому заливу <...> и вдоль побережья Берингова моря <...> затем Наукан и Уэлен (крупнейшие поселки

⁸³ Vakhtin, N. Указ.соч. С.81, со ссылкой на письмо Боаса Иохельсону от 28 октября 1898 года.

⁸⁴ Boas, F. Facial Painting of the Indians of Northern British Columbia // Memoirs of the American Museum of Natural History, 2. New York, 1898. The Jesup North Pacific Expedition. Vol. 1, pt. 1. Pp. 13-24; The Jesup North Pacific Expedition. Vol. 1, pt. 1. Pp. 1-12; The Mythology of Bella Coola Indians // Memoirs of the American Museum of Natural History, 2. New York, 1898. The Jesup North Pacific Expedition. Vol. 1, pt. 2. Pp. 25-127.

⁸⁵ Hoffman, W. The Graphic Art of the Eskimos // Report of the U.S.National Museum for 1895. Washington DC, 1897.

⁸⁶ Petitot, E. Traditions indiennes du Canada Nord-Ouest // Les litteratures populaires de toutes les nations. 23. Paris, 1896.

⁸⁷ Krause, A. Die Tlinkit-Indianer: Ergebnisse einer Reise nach der Nord-westküste von Amerika und der Beringstrasse. Ausgeführt im Auftrage der Bremer Geographischen Gesellschaft in der Jahren 1880-1881 durch die Doctoren Arthur and Aurel Krause / geschildert von Dr. Krause. Jena, 1885.

⁸⁸ Boas, F. Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Küstr Amerikas // Sonder-Abdruck aus den Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1891 bis 1895. Berlin, 1895. Boas, F. The Social Organisation and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians: Based on Personal Observations and on Notes Made by Mr. George Hunt // Report of the U.S.National Museum for 1895. Pp. 311-738. Wasington, DC, 1897.

⁸⁹ Vakhtin, N.Указ соч. С. 84.

приморских чукчей) и возвращение на Анадырь на байдаре следующим летом. Таким путем я смогу посетить все прибрежные поселки обоих океанов».⁹⁰ Естественно, Богораз был более заинтересован в том, чтобы обследовать приморских чукчей, а не оленных, которых он уже достаточно хорошо изучил. Очевидно и то, что к этому времени, он еще не знал, как следует из текста письма, что Наукан вовсе не был чукотским поселком. Он писал Боасу, что уже располагает достаточными материалами по языку, фольклору, мифам, материальной культуре, обычаям оленных чукчей и видит своей целью, во-первых, пополнение этих материалов и, во-вторых, изучение приморской части народа.⁹¹

Партия экспедиции включала шесть человек: Богораз и Иохельсона, которых сопровождали жены, хотя специального содержания для них не выделялось, Н.Бакстона – зоолога, который должен был заняться собиранием зоологических коллекций для АМЕИ, и А.Аксельрода, выполнявшего обязанности ассистента. Общее руководство этой частью экспедиции было возложено на Иохельсона. Богораз возглавил Анадырский отряд партии.

В начале 1900 года Богораз прибыл в Нью-Йорк, где получил все необходимые инструкции для проведения предстоящих экспедиционных работ и в марте через Сан-Франциско и Нагасаки отправился во Владивосток, куда и прибыл вместе с Иохельсоном и Бакстоном 16 мая. 14 июня Богораз с женой Софьей на пароходе «Байкал» отплыл из Владивостока и через Петропавловск-на-Камчатке 4 июля переправился в Ново-Мариинск (Анадырь), где сразу же приступил к исследовательской работе. Летом и в начале осени 1900 года он объехал на карбасе стойбища оленных чукчей, проводивших лето на побережье Анадырского лимана. В конце октября 1900 г. на собаках выехал на Камчатку - в Каменское к Иохельсону. По пути Владимир Германович исследовал практически все группы оседлых коряков и ительменов. В Каменском он провел декабрь, изучая корякский язык, а затем на собаках отправился в путешествие по Северной Камчатке. Он проехал через поселки кереков: Ильпи, Укилян, Ватыйкан (Хатырка), затем по р. Хатырке поднялся до ее верховий, перешел на реку Великую и по пути в Ново-Мариинск, ознакомился с самой южной группой чукчей, кочевавших по рекам Апука, Хатырка и Великая. Возвратившись в конце марта 1901 года в Ново-Мариинск, он уже в апреле 1901 г. выехал на Север, исследуя чукотское и эскимосское население этой части Тихоокеанского побережья. 2 мая он прибыл в эскимосский поселок Унгазик (Чаплино), где оставался с перерывом для поездки на остров Святого Лаврентия до 7 июня. Затем возвратился на байдаре в Ново-Мариинск, откуда пароходом выехал во Владивосток. Здесь он провел почти месяц, подготавливая и пакуя для отправки собранные коллекции. Более 100 коробок с экспедиционными материалами и коллекционными предметами были отправлены пароходами из Владивостока и благополучно прибыли в Нью-Йорк.

В соответствии с обычной практикой Богоразу и Иохельсону, командированным в экспедицию Академией наук, были выданы Министерством внутренних дел «открытые листы», возлагавшие на местные власти обязательства оказывать экспедиции всяческое содействие. Но одновременно с этим министр внутренних дел Сипягин направил в Восточно-Сибирское и Камчатское губернаторства секретный циркуляр с уведомлением о том, что «в виду прежней противоправительственной деятельности Богораз и Иохельсона оказание им какого-либо содействия по возложенным на них ученым трудам представляется совершенно несоответственным», и, кроме того, предложил учредить «за деятельностью и сношениями означенных лиц негласное наблюдение».⁹² Это секретное распоряжение строго исполнялось всеми чиновниками и особенно гижигинским исправником,⁹³ что, несомненно, осложнило проведение работ. Хотя, вообще говоря, история административного противодействия экспедиционной работе Богораз и

⁹⁰ Vakhtin, N. Указ соч. С. 83 со ссылкой на письмо Боасу от 22 марта 1899 года.

⁹¹ Там же.

⁹² В 1903 г. В.Г.Богораз опубликовал этот «секретный циркуляр» Сипягина в штутгартском журнале «Освобождение», № 15, с. 255-256, в статье под названием «Двуликий Янус».

⁹³ Вдовин И.С. История изучения..., с. 135.

Иохельсона в том виде, как она обычно преподносится советскими источниками,⁹⁴ да и в «политизированной» публицистической интерпретации самого Богораза выглядит не вполне достоверной. Например, он сам в письме Боасу из Мариинского поста писал: «Представители администрации везде обращались с нами очень доброжелательно и всегда оказывали нам очень действенную и полезную помощь, особенно мистер Сокольников – начальник Анадырского края, который послал через меня две свои собственные очень ценные коллекции».⁹⁵ Н.П.Сокольников, о котором идет речь в письме, сменил на посту начальника Анадырской округи уже не раз упоминавшегося Н.Л.Гондатти. Н.П.Сокольников так же, как и Н.Л.Гондатти, проявлял большой интерес к этнографии, истории и археологии края, собрал этнографическую коллекцию чукотской одежды и украшений. Он с пониманием отнесся к исследовательской программе В.Г.Богораза и снабдил его переводчиком, рабочими и проводниками.⁹⁶

При всей сложности поставленной перед партией задачи, она была выполнена и выполнена блестяще. Богораз так подводит итоги своей экспедиционной работы: «Результатом этой работы является исследование этнографии и антропологии чукчей, азиатских эскимосов, а также, хотя и в меньшей степени камчадалов и коряков побережья Тихого океана. Исследовательская работа подкреплена исчерпывающими коллекциями, включающими 5 тысяч этнографических предметов, 33 гипсовых слепка лиц, 75 черепов и археологических предметов из покинутых поселений и захоронений. Кроме того, собрано 300 сказок и преданий; 150 текстов на чукотском, корякском, камчадальском и эскимосском языках; словари и очерки грамматики этих языков; 95 фонографических записей; соматологические измерения 860 индивидуумов. Я также собрал зоологическую коллекцию и вел журнал метеорологических наблюдений на протяжении всей полевой работы».⁹⁷ Обширные и разнообразные материалы, собранные во время пятимесячной экспедиции, так же как и весь ранее приобретенный научный багаж Богораза, легли в основу его последующих трудов по чукотским и корякским языкам, фольклору, этнографии чукчей, коряков и сибирских эскимосов. Даже отчетливо представляя себе, насколько высокопрофессиональным, отлично подготовленным и опытным работником был Богораз, нельзя не удивляться и не восхищаться объемом проведенной им в сложнейших условиях работы и достигнутыми результатами. Один только частный аспект этой деятельности – собранные коллекции, поражают своими масштабами и качеством.

Справедливости ради нужно отметить, что в этот блестящий результат была вложена и значительная доля труда Софьи Богораз. Владимир Германович постоянно передвигался, покрывая огромные расстояния на собаках или на байдаре. Обыкновенно, он оставался в одном поселении не больше 4 недель, что, конечно, очень ограничивало возможности для полноценной собирательской работы. И в то время, как ее муж путешествовал, Софья Богораз, оставаясь на Анадыре и перемещаясь между Мариинским постом и Марково, собрала значительную часть коллекционных материалов для АМЭИ. В архиве отдела антропологии АМЭИ хранится неподписанное письмо из Мариинского поста, датированное 14 апреля 1901 года и адресованное В.Г.Богоразу. Написано оно, как следует из комментариев куратора отдела Л.Уиллиамсон, скорее всего, Софьей Богораз. В письме идет речь о проходивших в окрестностях Марково торговых ярмарках, на которые обычно съезжались чукчи: «Ожидая прибытия чукчей, я занималась пополнением коллекций и фотографированием жителей Марково <... > Я могла только фотографировать

⁹⁴ Например, К.Б.Шавров. В.И.Иохельсон и его «Коряки». Вводная статья к подготовленному в 1936 году первому переводу с английского монографии В.И.Иохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация». В.И.Иохельсон. Коряки. Материальная культура и социальная организация. Приложение. СПб., 1997. С.227

⁹⁵ Письмо Богораза Боасу от 4 (?) апреля 1901 г. Архив антропологического отдела (АО) АМЭИ. 1901-54.

⁹⁶ Ku'zmina, L.P. The Jesup North Pacific Expedition: A History of Russian-American Cooperation // Anthropology of the North Pacific Rim. Washington and London, 1994. P. 68.

⁹⁷ Editorial note by F.Boas // The American Museum Journal. Vol.III. # 5. 1903. P. 115

и собирать вещи. Я уехала 16 марта и, приехав в Марково 17-ого, сосредоточилась исключительно на организации наших коллекций, которые были упакованы в 31 ящик».⁹⁸ Возвратившись из пятимесячного путешествия на собаках по северной Камчатке, Богораз писал Боасу в апреле 1901 года: «Моя жена и мистер Аксельрод собрали и упаковали в 30 больших ящиков очень значительную и дорогую коллекцию, относящуюся к ламутам и русифицированному населению реки Анадырь».⁹⁹

В самом конце 1901 г. Владимир Германович возвратился из Владивостока в Петербург, откуда он планировал после небольшого отдыха отправиться в Нью-Йорк для работы над своими экспедиционными материалами. Но болезнь задержался его в Петербурге на несколько месяцев. За время этой непредвиденной задержки он успел опубликовать содержащую сжатые сведения по этнографии чукчей статью в «Научном обозрении»¹⁰⁰ и собирался сделать доклад по результатам экспедиции в Географическом обществе. Этим планам помешала полиция, воспрепятствовавшая пребыванию Богораз в запретном для него Петербурге. Жандармы вывезли докладчика на станцию Любань. В автобиографии Богораз написал: «От такого обращения я совершенно отвык в своем вольном Колымске и не менее вольном Анадыре. Взял и уехал в Америку снова, прожил в Нью-Йорке два года, обрабатывал свои материалы, колымские и анадырские».¹⁰¹ Это высказывание предполагает некую спонтанность принятого решения покинуть на некоторое время Россию. На самом деле приезд в Нью-Йорк и работа там над полевыми материалами была предусмотрена экспедиционным контрактом.

В Америке. 1902-1904 гг. Около полутора лет Богораз жил в Нью-Йорке, обрабатывал полевые материалы, подводил итоги экспедиционной работы, получая в соответствии с контрактом 150 долларов ежемесячно. Работая в Американском музее естественной истории, он сразу же начал публиковать первые, пока еще краткие итоги своих исследований,¹⁰² организовал несколько тематических выставок предметов, привезенных им из экспедиции.¹⁰³

И во время Дрезуповской экспедиции, и позже в Нью-Йорке Владимир Германович, интенсивно занимаясь научной работой, успевает уделять время и литературному творчеству. Инспирированные идеями Боаса попытки проникнуть в прошлое человечества, используя комплекс доступных наблюдению явлений культуры, получают своеобразное преломление в литературном жанре, который сам Богораз называл «палеолитическим романом». В 1902 г. он работал над первым произведением такого рода - романом «Восемь племен»,¹⁰⁴ действие в котором происходит во времена весьма отдаленные. Свою главную задачу романист видел в том, чтобы воскресить, художественно реконструировать древнюю жизнь и быт, нравы, обычаи и верования чукчей, юкагиров, камчадалов, курильцев, эскимосов, ламутов, оленных и приморских коряков. К работе над романом были привлечены уже не только его собственные этнографические и фольклорные материалы, но и данные палеонтологии, истории,

⁹⁸ Архив АО АМЭИ, без номера. Из текста письма на английском языке пол автора не очевиден. Здесь в русском переводе употреблен женский род глаголов.

⁹⁹ Архив АО АМЭИ, 1901-54

¹⁰⁰ Богораз В.Г. Чукчи // Научное обозрение. 1902. № 1. С. 70-88.

¹⁰¹ Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). АМАЭ. К.1, оп. 1, № 383. Л. 22.

¹⁰² Bogoras, W. The Follore of Northeastern Asia, as compared with that of Northwestern America // American Anthropologist, N.S., vol.4, 1902.

¹⁰³ The exhibit of Chukchee Cloting // The American Museum Journal. Vol. IV, # 1 (November), 1904; The House-Life of the Chukchee of Siberia // Ibid. Vol. IV, # 2 (April), 1904.

¹⁰⁴ Тан В.Г. Собр.соч. Т.2. СПб., 1910. Впервые напечатан в журнале «Мир божий», 1903, № 6,7,8. Это произведение Богораз, пожалуй, наиболее широко известно. Впоследствии роман многократно переиздавался. Последнее по времени издание: Богораз-Тан В.Г. Восемь племен. Хабаровск, 1991.

лингвистики и пр. Развитием этого жанра явился и следующий этнографический («палеолитический») роман В.Г.Богораза «Жертвы дракона» (1909).¹⁰⁵

Кроме того, на материале заграничных путешествий и поездок по северным и дальневосточным землям России В.Г.Богораз пишет ряд очерков: «Золотые утки» (1900), «На Севере дальнем», «Море бурное», «В Японии», «По Маньчжурской дороге» (1901), «В Италии» (1904).¹⁰⁶ Эти произведения органично включают богатый материал исторического, этнографического, политического, общественного и бытового характера. Не прошел он мимо темы «русские в Америке» - повесть «Авдотья и Ривка» (1902), очерк «Землепроходец» (1903), роман «За океаном» (1902).¹⁰⁷ В российских газетах этого периода публиковались и злободневные политические статьи В.Г.Богораза.¹⁰⁸

В этот период Владимир Германович часто виделся с Боасом. Они вместе провели значительную часть лета 1903 года на озере Георг. В ходе этих тесных контактов американский ученый изменил свое первоначально весьма неоднозначное мнение о Богоразе, «который оказался очень привлекательным человеком в ходе более долгого знакомства». Теперь он представлялся Боасу человеком восприимчивым, умным, увлекающимся. Все его устремления, как понимал теперь Боас, диктовались политическими идеями, настойчивым желанием претворить их в жизнь и, если в этом будет необходимость, принести себя в жертву.¹⁰⁹

Попытка раздобыть под дальнейшую научную работу Богораза в Америке грант Института Карнеги окончилась неудачей. Боас вынужден был изменить условия контракта: при дальнейшей своей работе над экспедиционными материалами Богораз теперь должен был получать 150 долларов за главу.¹¹⁰ Проведя осенью 1903 года немногим более месяца в Канаде среди духоборов, Владимир Германович уехал в Европу. В конце 1903 года он был уже в Париже, откуда отправился путешествовать по Франции и Италии до осени 1904 года.¹¹¹ Во время пребывания в Европе Богораз впервые принял участие в Конгрессе американистов, проходившем в 1904 году, в Штутгарте, где выступил с докладом о религиозных представлениях первобытных народов, построенном на чукотских материалах.¹¹² Осенью 1904 года он получил разрешение вернуться в Россию.

В Россию Богораз возвратился с огромным капиталом, который составили не только обширные и разнообразные по характеру экспедиционные материалы, над которыми еще предстояло работать, но и значительно выросший опыт научных исследований, достаточно известное имя, а также тесные корпоративные связи с зарубежными учеными. В самом начале сентября 1904 года он прибыл в Петербург с намерением выполнить свои обязательства, связанные с Джезуповской экспедицией – закончить подготовку к публикации своих обширных полевых материалов. Но все получилось несколько иначе.

Россия. 1904-1918 гг. Вернулся он в Россию в самый разгар Русско-японской войны, в крайне беспокойную обстановку накала политической борьбы. И это была его подлинная стихия. «В 1905 году мне было 40 лет. Я был в полном расцвете своей

¹⁰⁵ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Собр.соч. Т.4. М.:Л., 1928. Впервые напечатан в журнале «Современный мир». 1909. № 9-12.

¹⁰⁶ Богораз В.Г. (Тан В.Г.) Собр. Соч. Т.4. Спб., 1910.

¹⁰⁷ Там же. Т. 5.

¹⁰⁸ Кулешова Н.Ф. В.Г.Тан-Богораз. С. 56 и далее.

¹⁰⁹ Cole, D. Указ.соч. С. 41.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Кулешова Н.Ф. В.Г.Тан-Богораз. С. 56.

¹¹² Bogoras, W. Idées Religieuses des Tchouktchis // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 1904, t. 5 (V Série), с. 129-135; Bogoras, W. Religious Ideas of Primitive Man, from Chukchee Material // Internationaler Amerikanisten Kongress. XIV. Tagung. Stuttgart, 1904. 1906. С. 129-135. На русском языке эта работа вышла в 1908 г. : Богораз В.Г. Религиозные идеи первобытного человека (По материалам, собранным среди племен северо-восточной Азии, главным образом среди чукоч // Землеведение 1908. Т. 15. Кн. 1. С. 60-80.

физической силы. Я нырнул в революцию, как в воду».¹¹³ 8 апреля 1905 г. Богораз принял участие в I съезде российских журналистов и был избран кандидатом в Центральное бюро Союза писателей. В мае 1905 года он включился в организационную подготовку Всероссийского Крестьянского союза и, войдя в центральное бюро этой организации, деятельно участвовал в работе ее первого учредительного съезда, позднее – в заседаниях II съезда «Крестьянского союза». Это был период всплеска его революционных настроений, общественной деятельности, окрашенного политикой литературного творчества. «Я сделался страстным газетчиком, фельетонистом, даже почувствовал себя всероссийским художественным репортером».¹¹⁴ Его художественная проза этого периода - повести «Дни свободы»,¹¹⁵ серия очерков «Новое крестьянство»,¹¹⁶ «Мужики в Государственной Думе»¹¹⁷ и др. - детально освещала первую русскую революцию. В июне 1905 года он отправился в поездку по селам и городам Поволжья. С записной книжкой в руках побывал в Нижнем Новгороде, Сормове, Самаре и других городах.¹¹⁸ В октябре 1905 года вошел в Московский центральный забастовочный комитет, а в 1906 г. принял участие в организации правонароднической Трудовой (Народно-социалистической) партии. 14 ноября 1905 Владимир Германович был арестован в Москве как участник съезда Крестьянского союза. 4 декабря Боас получил из Москвы каблогранму об аресте Богораза и обратился за помощью к Радлову с просьбой содействовать освобождению ученого-революционера. Освобожденный через две недели под залог, Богораз ненадолго уехал в Финляндию, а затем снова вернулся в Петербург.

Столь активная общественная деятельность, разумеется, практически не оставляла места научной работе. Успешно начатая научная карьера отошла на задний план. Богораз даже не находил времени на поддержание переписки с друзьями и коллегами. Иохельсон писал Боасу, что уже месяц не имеет никаких сведений о Богоразе, и это его очень беспокоит.¹¹⁹ Все же, в конце концов, Боас получил от Богораза письмо с извинениями за молчание: «Вы понимаете, что эпоха, подобная настоящей, случается только единожды за несколько веков у каждого из государств и каждой из наций, и мы чувствуем, что нас несет этим потоком даже помимо нашей воли».¹²⁰ Не на шутку встревоженный Боас пытался внушить Богоразу мысль о приоритетах: «Если события, подобные настоящим, случаются только единожды в век, то изучение Богоразом чукчей – это дело вечности. Я думаю, что вы должны исполнить свой долг перед наукой и изложить результаты своей работы».¹²¹ Однако апрель вновь ознаменовался новым длительным молчанием Богораза. Боас был очень обеспокоен. Беспокоился он, конечно, не только о безопасности самого Богораза, но и о судьбе экспедиционных материалов, крайне ему важных: «Во время этого возбуждения в России, я уверен, он не уделит никакого времени, своим научным долгам».¹²² Ноябрьское письмо Владимира Германовича принесло Боасу новые извинения по поводу отсутствия прогресса в работе, но показало, что Богораз и не думает менять направления своих мыслей: «События, которые происходят в России, требуют от граждан максимального внимания и напряжения всех способностей».¹²³ События были настолько ужасными, жертвы столь многочисленными, что он не мог позволить себе отвлечься от этой борьбы. Ему только сорок лет, у него еще много времени впереди, чтобы закончить

¹¹³ Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). АМАЭ. К. 1, оп. 1, № 383. С.18.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Дни свободы (Повесть из московских событий). СПб., 1906.

¹¹⁶ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Новое крестьянство. Очерки деревенских настроений. М., 1905.

¹¹⁷ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Мужики в Государственной Думе. Очерки. М., 1907.

¹¹⁸ Богораз-Тан В.Г. Автобиография (1927). АМАЭ. К. 1, оп. 1, № 382. Л.18.

¹¹⁹ Cole, D. Указ соч. С. 41.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

все, что он должен написать. Его нужно простить: «В моем уме и сердце нет сейчас места для науки».¹²⁴

И, тем не менее, вся необходимая работа Богораза над собранными им материалами была выполнена. В целом азиатские материалы, полученные от русских участников экспедиции, были столь объемны, что Боас встал перед проблемой необходимости выхода за обозначенные рамки объема публикации материалов своей экспедиции. Несмотря на определенные сложности с получением текстов от Богораза, он оказался самым продуктивным из ученых, работавших в азиатской части экспедиции. Первый выпуск его четырехтомного труда на английском языке “The Chukchee. Material Culture”,¹²⁵ подготовленный, очевидно, еще во время пребывания в Нью-Йорке был опубликован уже в 1904 году. После трехлетнего перерыва одна за другой вышли три следующие книги: “The Chukchee. Religion”¹²⁶ (1907), “The Chukchee Social Organisation”¹²⁷ (1909), “Chukchee Mythology”¹²⁸ (1910). В последний сборник вошли тексты, записанные В.Г.Богоразом от чукчей юго-восточной части Чукотского полуострова в латинской транскрипции с подстрочником на английском языке. Ни этнографических, ни лингвистических примечаний в этом издании нет. Кроме того, в России Богораз опубликовал материалы по языку азиатских эскимосов, собранные во время месячного пребывания в поселке Унгазик, в которой давалось и краткое описание численности и расселения эскимосов в Азии.¹²⁹ В этой статье Владимир Германович вслед за американскими лингвистами (С.Нельсон, Ш.Джексон, А.Шульц) описывал у азиатских эскимосов так называемый «язык духов», которым пользовались шаманы для контактов с духами, т.е. ряд несвойственных данному диалекту слов, слова описательного характера и т.д. К этой теме ученый возвращался и позднее.¹³⁰ В 1913 году в Нью-Йорке им были опубликованы тексты сказок и песен эскимосов Сибири.¹³¹ Вероятно, в этот же предвоенный период он успел подготовить еще несколько своих работ для публикации в Америке. В 1917 году Американское этнологическое общество под редакцией Ф.Боаса выпустило сборник материалов по корякскому языку, “Koryak Texts”.¹³² Из предисловия редактора мы узнаем, что Богоразом был подготовлен и сборник камчадалских текстов. Однако начавшаяся первая мировая война лишила автора возможности поддерживать связь с редактором, вследствие чего последний счел возможным опубликовать лишь корякские тексты, тогда как материалы по камчадалскому (ительменскому) языку не включил в это собрание.¹³³

Уже после войны, в 1922 году, когда контакты с Америкой возобновились, в издании Смитсоновского института в Вашингтоне вышел фундаментальный труд Богораза по грамматике чукотского языка.¹³⁴ Труд этот явился завершением многолетней работы над изучением чукотского и родственного ему корякского и ительменского

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Bogoras, W. The Chukchee. Material Culture. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. New York. Vol. 7. Part 1. Leiden-New York, 1904. 276 с.

¹²⁶ Bogoras, W. The Chukchee Religion. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. New York. Vol. 7. Part 2. Leiden-New York, 1907. С. 277-636.

¹²⁷ Bogoras, W. The Chukchee Social Organisation. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. New York. Vol. 7. Part 3. Leiden-New York, 1909. С. 537-733.

¹²⁸ Bogoras, W. Chukchee Mythology. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. New York. Vol. 8. Part 1. Leiden-New York, 1909. 197 с.

¹²⁹ Богораз В.Г. Материалы для изучения языка азиатских эскимосов // Живая старина. 1909. Вып. II – III, кн. 70/71. Эта статья под тем же названием вышла отдельной брошюрой в 1910 году.

¹³⁰ Богораз В.Г. О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени // Известия АН. 1919. 6 серия. Том. 13. № 8-11. С.489-495.

¹³¹ Bogoras, W. The Eskimo of Siberia // The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. V. VIII. Part III. New-York, 1913.

¹³² Publications of the American Ethnological Society, vol. V, Leiden, 1917.

¹³³ Вдовин И.С. История изучения..., с. 119.

¹³⁴ Bogoras, W. The Chukchee. Handbook of American Indian Languages, by Franz Boas (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. Bull. 40. Pt. 2). Washington, 1922. С. 631-903.

языков. По существу эта работа представляет сравнительную грамматику, где на основе сопоставления чукотского языка с языками коряков и ительменов впервые была научно доказана близость этих трех языков.¹³⁵ Необходимо отметить, что на изложении материалов чукотского, корякского и ительменского языков сказалось непосредственное вмешательство Боаса – редактора этой работы. В редакторском предисловии говорится, что представленная русским ученым рукопись была переработана в соответствии с системой, принятой при издании серии “Handbook of American Indian Languages”. К сожалению, мы не можем сейчас восстановить начальной редакции рукописи, никаких следов ее в архиве Богораза не имеется.¹³⁶ Этими исследованиями языков народов Крайнего Северо-Востока Сибири Владимир Германович заложил прочный фундамент для их дальнейшего изучения. Как ученый-языковед он дал глубокий анализ и обобщил множество собранного, изученного и систематизированного им материала, чем оказал огромную услугу языковедческой науке.¹³⁷

В годы реакции после поражения революции 1905 года, в период «дорого доставшегося нам тяжелого раздумья», как писал Богораз¹³⁸ он уходит преимущественно в литературное творчество. Впечатления длительного путешествия, предпринятого летом и осенью 1908 года из Петербурга в Тверь, Нижний Новгород, Саратов, Астрахань, Баку, Тифлис, Сочи, Гагры, находят отражение в серии путевых очерков, которые печатались в журнале «Русское богатство». Позже цикл этих очерков, рисовавших картину воздействия революции на психику и умонастроение различных сословий России, составил книгу «Передвинутые души».¹³⁹ Вслед за путевыми очерками пишет серию нравоописательных очерков - «Кругом Петербурга»,¹⁴⁰ «Охотничьи рассказы»¹⁴¹ и некоторые другие. Кроме того, внимание В.Г.Богораза занимают два романа - «Завоевание вселенной» (незавершенный и единственный в его литературном творчестве фантастический роман) и «Жертвы дракона».¹⁴² Занимался в этот период Богораз и литературной критикой, и даже литературными переводами и редактурой. Вместе с К.И.Чуковским он редактировал девяти томное собрание сочинений Г.Уэллса, написал для этого издания две вводные статьи и перевел некоторые рассказы и повести. Атмосфера общественного подъема в канун первой мировой войны сказалась на идейном пафосе последнего крупного литературного произведения Богораза этого периода – повести «Крылоносный Икар» (1914), который явился своеобразным гимном героическому началу в человеке, жертвенности, «безумству храбрых».¹⁴³

В 1914 году в патриотическом порыве пятидесятилетний В.Г.Богораз отправился добровольцем на фронт. Вплоть до 1917 года в качестве начальника санитарного отряда Союза городов он участвовал в военных действиях, побывав в Карпатах, Венгрии и Польше. В письме от 20 февраля 1915 года Владимир Германович писал: «О, если бы я мог описать тот ужас, который я видел... Но ведь сейчас не пройдет...».¹⁴⁴ Действительно, цензура в стремлении поддержать в обществе патриотические настроения отсекала все, что могло им противоречить. В «Биржевых ведомостях» этого времени публиковались лишь «ура-патриотические» корреспонденции Богораза с фронта.

Октябрьскую социалистическую революцию Владимир Германович воспринял отрицательно: «В то время мы, интеллигенты, были вместе с буржуями, с правящими

¹³⁵ Вдовин И.С. История изучения..., с. 111-112.

¹³⁶ Там же. С. 114.

¹³⁷ Вдовин И.С. В.Г.Богораз (к столетию со дня рождения) // СЭ. 1965. № 3. С. 74.

¹³⁸ Богораз-Тан В.Г. Автобиография (1927). АМАЭ, К.1, оп. 1, № 382. Л. 20.

¹³⁹ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Собр. Соч. Т. 9. СПб., 1911.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Собр. Соч. Т.2. М.;Л., 1929.

¹⁴² Роман впервые был опубликован в 1909 году журнале «Современный мир» № 9-12. Впоследствии неоднократно переиздавался.

¹⁴³ Кулешова Н.С. Указ.соч. С. 107.

¹⁴⁴ ИРЛИ. Архив Гаккебуша. Ф. 549, ед.хр.13.

классами. И сколько мы насмеялись и кляли эту самую революцию. – Кто изобрел словечко: хамовоз – автомобиль и центрохам – управление. Вместе с другими я тоже ненавидел, мелодекламирал о верности союзу и “державам”, злопыхательствовал на тему: “добейте проклятого немца”».¹⁴⁵

В послевоенные годы, Богораз «проделал всю обывательскую голгофу голодного времени»: «Стоял в хвостах за осьмушкой по карточке, собирал на помойке гнилую картошку. <...> Семью потерял, остался один, как бобыль, и соответственно злобствовал».¹⁴⁶ В эти тяжелые годы Боас собрал в Нью-Йорке еду и одежду для Богораз, Штернберга и Йохельсона и нашел возможность переслать все это в Петроград вместе с 300 долларами, выданными дополнительно Богоразу и Штернбергу в качестве оплаты за их работу.¹⁴⁷

1918-1936. С этого времени Владимир Германович сосредотачивается главным образом на научной и преподавательской деятельности, участвуя параллельно в научно-практической и общественной работе: «<...> То, что было во мне Таном поблекло и съезжилось, и стал я профессором частной этнографии, оброс учениками, ассистентами, студентами с рабфака, студентами с геофака и студентами просто так, - с ветру, непризнанными вольнослушателями <...> Так из художника-писателя, из художественного репортера-публициста стал я ученым профессором Геофака ЛГУ, ученым хранителем МАЭ АН СССР. Как много учености»,¹⁴⁸ – и с удовлетворением, и с некоторой горечью, восклицал он в своей автобиографии.

К работе в Музее антропологии и этнографии Богораз приступил в 1918 году. Полный энтузиазма и энергии, он принимал самое деятельное участие в работе музея, курировал постоянную экспозицию отдела Сибири, устраивал выставки, выступал с научными докладами, разрабатывал программы и вопросники для лиц, едущих в экспедиции.¹⁴⁹ В 1925 году в МАЭ открылась новая постоянная экспозиция. Ее сибирский и североамериканский разделы были построены во многом на близких к Богоразу и Штернбергу постулатах Дрезуповской экспедиции, зримо демонстрируя основополагающую идею Ф.Боаса о тихоокеанском побережье Сибири и Америки как интегрированной культурной зоне. В сибирском отделе экспозиции лучше и полнее всего было представлено «замечательное пластическое искусство северного круга тихоокеанских народов – чукчей, коряков, эскимосов, алеутов»,¹⁵⁰ а в отделе Северной и Центральной Америки – коллекции по алеутам и эскимосам. Как заявлено в путеводителе по экспозиции, именно «эти коллекции особенно интересны в историко-культурном отношении, т.к. являются стыком с культурой палеоазиатской, с одной стороны, и индейской с другой».¹⁵¹ Вышедший в 1936 году путеводитель по отделам Сибири и Северной Европы уже расценивал созданную в 1925 году сибирскую экспозицию как устаревшую.¹⁵² Как предвестник новой, отвечающей современным требованиям экспозиции отдела Сибири, к работе над которой приступили сотрудники отдела, рассматривалась созданная в 1934 году под непосредственным руководством Владимира Германовича выставка «Чукотское общество»,¹⁵³ по-новому осветившая различные стороны жизни и культуры народа, изучению которого ученый посвятил всю свою жизнь. Параллельно с этой работой отдел подготавливал реэкспозицию своих коллекций по шаманству и технике.

¹⁴⁵ Богораз-Тан В.Г. Автобиография (1927). АМАЭ. К-1, оп. 1, № 382. Л. 21.

¹⁴⁶ Там же. Л. 21-22.

¹⁴⁷ Cole, D. Указ соч. С. 43.

¹⁴⁸ Богораз-Тан В.Г. Автобиография (1927). АМАЭ К-1, оп. 1, № 382. Л. 22.

¹⁴⁹ Иванов С.В. Памяти В.Г.Богораз / /СЭ. 1946. № 3. С. 5.

¹⁵⁰ Музей антропологии и этнографии. Л., 1925. С.9-10.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Отдел Сибири и Северной Европы. Путеводитель. М.-Л., 1936.

¹⁵³ Краткий путеводитель по выставке «Чукотское общество». Составил проф. В.Г.Богораз-Тан. Л., 1934.

Теоретической основой временной выставки по истории техники, работавшей в отделе этнографии Сибири в 1932-1935 гг., были научные изыскания Богораза в этой области и его известный университетский курс «Эволюция хозяйства». Вопрос об изучении техники в Институте этнографии АН СССР (ИЭ)¹⁵⁴ (а ранее еще в МАЭ) был выдвинут Богоразом как основная тема его работ в течение последних пяти лет его жизни. В дальнейшем планировалось расширение этой выставки, которая должна была логически объединить экспозиции отделов этнографии Сибири и Америки демонстрацией евразийско-американских связей, наиболее ярко представленных именно в области истории техники. Теоретической разработкой этого проекта уже после смерти Владимира Германовича в 1936 году занимался его ученик А.С.Форштейн.¹⁵⁵

В последние годы жизни Богораз усиленно работал над составлением плана задуманной им большой комплексной экспедиции на Крайний Северо-Восток Азии для всестороннего изучения эскимосов, коряков и ительменов. Предусмотрены были при этом и археологические раскопки на Чукотском полуострове, результаты которых должны были, по его мнению, способствовать разрешению проблемы происхождения «американского человека».¹⁵⁶

Л.Я.Штернберг - декан этнографического факультета Ленинградского географического института, сумел собрать в этом учебном заведении выдающийся корпус преподавателей. В их числе, разумеется, был и В.Г.Богораз, приступивший в 1921 г. к чтению лекций на этнографическом и общегеографическом факультетах Института. Он вел ряд общих курсов и спецкурсов: «Эволюция хозяйственных форм и техники», «Культура палеоазиатского круга народов», «Материальная культура первобытных народов», «Полярная культура», «Культура малых народов Севера», «Шаманство в социальном разрезе», «Эволюция верований».¹⁵⁷ Многие лекции по материальной культуре по сложившейся традиции читались непосредственно в залах МАЭ.¹⁵⁸

В Географическом институте на этнографическом факультете на всех курсах был введен летний триместр, посвященный полевой практике. В налаживании практики, в организации студенческих экспедиций, направленных в отдаленные уголки страны, большая роль принадлежала именно Богоразу.¹⁵⁹ В 1922 и 1923 годах ему удалось получить денежную субсидию Наркомпроса для организации практики студентов в отдаленных районах страны, в которой приняло участие около 80 студентов.¹⁶⁰ Этнографические работы во всех районах велись по единой программе, составленной под руководством В.Г.Богораза.¹⁶¹

В 1925 г. Географический институт был включен в Ленинградский университет в качестве Географического факультета, сохранив два своих отделения:

¹⁵⁴ В 1933 г. на базе Музея антропологии и этнографии был создан Институт антропологии этнографии АН СССР. В 1935-1937 гг. он назывался несколько иначе – «Институт этнографии, антропологии и археологии», а с 1937 г. – «Институт этнографии».

¹⁵⁵ Форштейн А.С. Доклад о научных установках выставки «История техники народов Арктической Евразии и Америки». Архив МАЭ РАН. К-1У, оп. 5, № 5.

¹⁵⁶ Иванов С.В. Указ.соч. С. 5.

¹⁵⁷ Лекции по материальной культуре и программы курсов, читанных в 1925-1927 гг. Архив ЛО АН СССР. Ф.250, оп. 1, № 139. Лл. 142-145; «Эволюция хозяйственных форм». Лекции и программы. Там же. № 143. Лл. 16-17; «Полярная культура». Программа. Там же. № 139. Л. 116 и др.

¹⁵⁸ Станюкович Т.В. Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 5. ТИЭ. Нов.сер. Т. 95. М., 1971. С.126.

¹⁵⁹ Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии)//СЭ. 1971. № 2. С. 139.

¹⁶⁰ Зеленин Д.К. В.Г.Богораз – этнограф и фольклорист // Памяти В.Г.Богораза (1865 – 1936). Сборник статей. М.; Л., 1937. С. ХУ.

¹⁶¹ В 1928 г. программа была опубликована: Макарьев С.А. Полевая этнография. Краткое руководство и программы для сбора этнографических материалов в СССР. Под редакцией В.Г.Богораза-Тана. Изд. Этнографической экскурсионной комиссии Этноотделения геофака ЛГУ. Л., 1928. 102 с.

общегеографическое и этнографическое. На этнографическом отделении ввели специализацию по циклам, охватывающим группы народов. Во главе каждого цикла стояли крупные ученые. Циклом народов Севера занимался Богораз, читавший курсы «Эволюция материальной культуры и хозяйственных форм», «Этнография СССР», «Культура народов Севера» и «Эволюция первобытных религиозных верований» (с 1927 г.). Особое внимание на отделении уделялось языкам народов СССР, преподавание которых было поручено известным специалистам.

Обязательная полевая практика, во время которой студенты совершенствовали язык, учились собирать коллекции и т.п., оставалась одним из приоритетных направлений деятельности Богораз. В университете он стоял во главе комиссии по студенческим этнографическим экскурсиям и редактировал сборники материалов, собранных студентами.¹⁶² Кроме того, под редакцией В.Г.Богораз-Тана были выпущены два номера журнала Научно-исследовательского этнографического кружка Этнографического отделения ЛГУ.¹⁶³ Таким образом Владимир Германович вместе со своими учениками явился пионером в изучении русской деревни в стадии ее перехода от старого традиционного к новому послереволюционному быту.

В Ленинградском университете В.Г.Богораз читал лекции на факультете общественных наук по курсам: «Фольклор народов Севера», «Материальная культура первобытных народов» и «Культура народов арктических и субарктических стран». Кроме того, Владимир Германович читал лекции по языкам и этнографии Севера на Северном факультете Института живых восточных языков, на северном отделении Педагогического института им. Герцена¹⁶⁴ и в Ленинградском историко-лингвистическом институте. После смерти Штернберга он возглавил этнографическое отделение этого института.

Богоразу принадлежала и инициатива создания в ЛГУ северного отделения рабфака – Института народов Севера ЦИК СССР – первого специального учебного заведения для народов Севера, в котором он также вел большую исследовательскую и лекционную работу. С 1930 г. В.Г.Богораз – действительный член Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера.

Как преподаватель и наставник Владимир Германович оставил в сердцах своих студентов самые теплые воспоминания. «Для студентов В.Г.Богораз был не только профессором. Он отечески заботился о них, нередко помогал им материально, устраивал новичков, снаряжал отъезжающих на практику, составлял для них программы и делился с ними опытом полевой работы», – вспоминал его ученик, впоследствии известный ученый С.В.Иванов.¹⁶⁵ «Архив В.Г.Богораз полон бумагами, отражающими его очень нелегкую в те времена научно-организационную деятельность. Тут ходатайства и требования, направленные в разное время во все возможные инстанции, от обращения к наркому просвещения А.В.Луначарскому до просьбы к бывшему дворцовому ведомству: выдать на нужды студенческих экспедиций красные фраки дворцовых ливрейных лакеев. И он был очень доволен, когда получил эти фраки. Они были розданы уезжавшим в экспедиции

¹⁶² Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. (Материалы, собранные во время летних экскурсий студентами Этнографического Факультета бывшего географического Института, ныне Этноотделения Географического факультета ЛГУ, 1923-1926). Вып. Первый. Л., 1926; Революция в деревне. Очерки. (Работы Комиссии по организации студенческих этнографических экскурсий.) М.; Л., 1924; Революция в деревне. Очерки. Часть вторая. (Работы Комиссии по организации студенческих этнографических экскурсий.) М.; Л., 1925; Старый и новый быт. Сборник. (Комиссия по устройству студенческих этнографических экскурсий.) Л., 1924; Обновленная деревня. Сборник. (Комиссия по устройству студенческих этнографических экскурсий.) Л., 1925; Еврейское местечко в революции. Очерки. (Работы Комиссии по организации студенческих этнографических экскурсий.) М.; Л., 1926; Комсомол в деревне. Очерки. (Комиссия по устройству студенческих этнографических экскурсий.) М.; Л., 1926; Сборник этнографических материалов. № 2. Издание Этноотделения геогр. Фак. ЛГУ. Л., 1927.

¹⁶³ Этнограф-исследователь. 1927. № 1; 1928. № 2.

¹⁶⁴ Иванов С.В. Указ.соч. С.6.

¹⁶⁵ Там же.

студентам в качестве обменного и дарственного фонда. На Севере в те годы красное сукно, необходимое для отделки национальной одежды, было дефицитным товаром; нарезанный на полоски красный фрак, как и его золоченые пуговицы, представляли серьезную ценность».¹⁶⁶ Из воспоминаний Н.И.Гаген-Торн зримо проступает яркая, неординарная личность ученого: «В.Г.Богораз входил в аудиторию грузный, тучный, волоча за собой большой полосатый мешок вместо портфеля. Ставил мешок на пол. Плотнo усевшись на стул, начинал беседу с аудиторией. “Имейте в виду, - предупреждал он на одной из первых лекций, - этнографом сможет стать только тот, кто не боится скормить фунт крови вшам. А? Как вы смотрите на это дело? Почему скормить, спрашиваете? Потому, что узнать и изучить народ можно, только если живешь одной жизнью с этими людьми. А у них вошь довольно распространенное животное. Претендовать на удобства или даже на гигиену этнограф во время полевой работы не имеет право.” Голубые глаза его задорно сверкали. Он вел лекцию-беседу, перемежая научные выводы рассказами, от которых аудитория разражалась громким смехом. Владимир Германович, очень довольный впечатлением, откидывался на стуле. Иногда, достав из мешка французскую булку, тут же принимался жевать ее, не заботясь о том, какое это производит впечатление <...> Не раз он отмечал: “Каждый этнограф должен быть немного художником, иначе он не поймет чужую культуру”».¹⁶⁷ Замечательно, что Владимир Германович и в весьма преклонные годы сохранял подвижность, экспансивность, незаурядное чувство юмора. Н.И.Гаген-Торн вспоминала такой случай: «Несколько наших студентов-этнографов сели в трамвай у университета. Когда трамвай уже отправился, мы заметили, как из МАЭ выбежал Богораз. Он побежал за трамваем, на повороте, у Дворцового моста, нагнал его, на ходу вскопил на площадку. Увидев нас, он весело подмигнул нам и сказал: “В каюры еще гожусь”».¹⁶⁸

В.Г.Богораз всегда искренне беспокоили судьбы малых народов Севера. В марте 1923 года на коллегии народного комиссариата по делам национальностей, где рассматривался вопрос о положении малых народностей Севера, он выступил с докладом, содержащим ряд конкретных предложений, ставших известными как «тезисы Богораз».¹⁶⁹ После организации при Президиуме ВЦИК в 1924 году Комитета содействия народностям северных окраин (Комитета Севера) он вошел в состав его президиума, а с открытием в Ленинграде филиала Комитета был назначен председателем этого филиала.

Комитет Севера оказал огромное влияние на всю проводившуюся государством работу по экономическому, культурному и социальному развитию северных территорий. Деятельность Богораз была направлена на защиту культуры и образа жизни северян от внешнего влияния, базировалась на гуманном, уважительном отношении к этим народам. По мнению Владимира Германовича и его сторонников в Комитете Севера коренное население само по себе было богатством далеких северных пустынь, и целью «освоения Севера» должен был стать подъем благосостояния местного населения. Именно Богоразу принадлежала идея создания особых, т.н. «заказных территорий»,¹⁷⁰ по типу американских резерваций, которые должны были находиться под охраной специальных законов и управляться непосредственно центральным правительством. Однако к концу 20-х годов все громче начали раздаваться голоса тех, кто видел первую и главную задачу в промышленном освоении Севера силами в основном пришлого населения, призывал не нянчиться с северянами, отрицал необходимость в каких-либо «особых условиях» их развития, требовал немедленной коллективизации их хозяйства, беспощадной борьбы с «кулаками» и шаманами. Попытки уберечь коренное население от пагубного для его традиционных культур воздействия индустриализации, коллективизации и

¹⁶⁶ Гаген-Торн Н.И. Указ.соч. С. 140.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Об изучении и охране окраинных народов // Жизнь национальностей. 1923. Кн. III и IV. С. 168-177.

¹⁷⁰ Там же. С. 172.

демографических изменений не прекращались во все годы существования Комитета, несмотря на то, что с каждым годом все яснее становилась их тщетность.¹⁷¹

В 1925 году, выступая на пленуме Комитета Севера с докладом «Подготовительные меры к организации малых народностей», Богораз подчеркнул, что в соответствии с задачами Комитета «изучение Севера должно быть соединено с практическим производственным подходом».¹⁷² Человек практического склада ума, большой деловитости и оперативности, он тут же предложил для начала практической работы на Севере использовать студентов, только что окончивших в 1924 году общегеографический и этнографический факультеты университета. «Возьмите их и продвиньте подальше на севере в соответственные области не вместе, а порознь, поодиночке, дайте им практические задания и возможность изучения туземцев и планомерной подготовки к практической работе».¹⁷³ Такими молодыми «миссионерами новой культуры и советской государственности» на Севере с благословения Владимира Германовича стали Е.А.Крейнович, А.С.Форштейн, С.Н.Стебницкий, Г.Н.Прокофьев, В.Н.Чернецов, Г.М.Василевич, В.И.Цинциус, С.В.Иванов, Г.Д.Вербов, и многие другие (всего около 20 человек).

Со свойственной ему постоянной готовностью включиться в практические дела, связанные с потребностями современного развития народов Севера, Богораз принял непосредственное участие в создании письменности на известных ему языках народов этого региона. В 1932 году вышел первый букварь на чукотском языке - «Красная грамота»¹⁷⁴, составленный Богоразом совместно с бригадой чукотских студентов Института народов Севера. В 1933-1934 годах появился ряд учебников и брошюр общественно-политического содержания, которые были переведены на чукотский язык Богоразом или были им отредактированы.¹⁷⁵ Грамматика чукотского языка на русском языке вышла в свет в 1934 г. в серии «Языки и письменность народов Севера».¹⁷⁶ В этой же серии в том же году была напечатана и краткая грамматика языка эскимосов Сибири.¹⁷⁷ В 1931 году вышли грамматический очерк, словарь и тексты по ламутскому языку.¹⁷⁸ В 1933 году был опубликован чукотско-русский словарь.¹⁷⁹

Будучи членом редколлегии журналов «Советская этнография» и «Советский фольклор» Владимир Германович занимался переводами для этих изданий и редактированием рукописей, поместил там целый ряд своих статей по этнографии, фольклору и лингвистике.¹⁸⁰

В вопросах, связанных с религией вообще Богораз занимал достаточно крайнюю позицию: «Говорить о нашем православии или христианстве, конечно, смешно. Я, кажется, родился безбожником, вырос язычником, а в настоящее время являюсь

¹⁷¹ Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего севера Российской федерации.. СПб., 1993. С.21-24.

¹⁷² Богораз-Тан В.Г. Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 47.

¹⁷³ Там же. С. 50.

¹⁷⁴ Selgy-Kalekal (Красная грамота). М., 1932. 79 с.

¹⁷⁵ Советы Севера. Перевел на чукотский (луораветланский) язык В.Г.Богораз. Л., 1933; Я.П.Алькор. Что дала Октябрьская революция народам Севера. Перевел на чукотский (луораветланский) язык В.Г.Богораз. Л., 1933. И др.

¹⁷⁶ Богораз В.Г. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. Часть 3. Л., 1934.

¹⁷⁷ Богораз В.Г. Юитский (азиатско-эскимосский) язык // Языки и письменность народов Севера. Часть 3. Л., 1934. Некоторые материалы из этого сборника были опубликованы им раньше: Богораз В.Г. Материалы для изучения языка азиатских эскимосов // Живая старина. 1909. Вып.2-3 (кн. 70-71). С. 178-190.

¹⁷⁸ Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник, 1. Академия наук, 1931.

¹⁷⁹ Богораз В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.;Л., 1933.

¹⁸⁰ См., например: Бартон Р.Ф. Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин // СЭ. 1931. № 1-2. С. 116-149. Перевод с английского языка и предисловие В.Г.Богораз; В.Г.Богораз. Замечания к статье Франца Боаза («Задачи антропологического исследования»). СЭ. 1933. № 3-4. С. 189-193.

безбожником воинствующим».¹⁸¹ Одна из далеко не бесспорных сторон общественной и научной деятельности Богораза, убежденного атеиста, члена Союза воинствующих безбожников,¹⁸² - его участие в проводившейся в 1920-е – 1930-е гг. борьбе с религиозными «пережитками». В апреле 1930 г. в Ленинграде в Зимнем дворце была устроена под руководством Богораза Антирелигиозная выставка Академии Наук СССР, которая в следующем 1931 г. была реорганизована в постоянный Музей истории религии АН СССР. С момента организации музея и до самой смерти Владимир Германович был его директором. В 1932 году он выступил со статьей «Религия как тормоз социалистического строительства среди малых народностей Севера»,¹⁸³ в которой он в соответствии с веяниями времени решительно отмежевывается от всяких проявлений либерально-народнической точки зрения в вопросах религии в целом и шаманства в частности. Одной из последних работ В.Г.Богораза было «Методическое письмо по организации антирелигиозной работы среди народов Севера», составленное под его руководством Н.А.Никитиной.¹⁸⁴

Огромную роль в жизни и в научной деятельности Богораза играли тесные дружеские и партнерские отношения с В.И.Иохельсоном и Л.Я.Штернбергом. «Этно-тройка», как называл этот союз трех единомышленников, соратников и близких людей сам Владимир Германович,¹⁸⁵ сразу же после Джезуповской экспедиции стала, если и не самой влиятельной, то самой активной, известной и авторитетной группой в российской этнографической науке. В 1920-е годы, в «эпоху научного плюрализма»¹⁸⁶ при мощной государственной поддержке и отсутствии серьезных идеологических ограничений в профессиональной сфере, Богораз и Штернберг (В.И.Иохельсон в 1922 году уехал в Америку) обрели беспрецедентное влияние в формировании облика сибирской советской этнографии.¹⁸⁷

Если прежде научные интересы Богораза вращались преимущественно в круге проблем этнографии народов Северо-восточной Азии и отчасти Северной Америки, то теперь его научные изыскания в ряде случаев выходят далеко за эти рамки. В этот период, выходят в свет такие его крупные работы общетеоретической направленности, как «Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений»,¹⁸⁸ «Христианство в свете этнографии»,¹⁸⁹ «Распространение культуры на земле. Основы этнографии».¹⁹⁰ Теоретическому и методологическому осмыслению некоторых этнографических реалий посвящен и ряд журнальных публикаций этого периода.¹⁹¹ Достаточно активно публикуется он и в иностранной периодике.¹⁹²

¹⁸¹ Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). Архив МАЭ РАН. К.1, оп. 1, № 383. Л.13.

¹⁸² Алькор Я.П. Указ.соч. С. 10.

¹⁸³ Богораз В.Г.(Богораз-Тан В.Г.) Религия как тормоз социалистического строительства среди малочисленных народностей Севера // Советский Север. 1932. № 1-2.

¹⁸⁴ Никитина Н.А. Методическое письмо по организации антирелигиозной работы среди народов Севера. М., 1934.

¹⁸⁵ Богораз В.Г. Чукчи. Часть 1. Л., 1934. С.ХІІІ.

¹⁸⁶ Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // ЭО. 2001. № 3. С. 105.

¹⁸⁷ Krupnik, I. Jesup Geneology: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Part 1. From the Jesup Expedition to the Cold War, 1897-1948 // Arctic Anthropology. 1998. Vol. 35, # 2. Pp. 18-20.

¹⁸⁸ Богораз В.Г. Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. М.-П., 1923.

¹⁸⁹ Богораз В.Г.(Богораз-Тан В.Г.) К вопросу о графическом методе анализа элементов этнографии и этногеографии М.-Л., 1928.

¹⁹⁰ Он же. Распространение культуры на земле. Основы этнографии. М.-Л., 1928. 314 с.

¹⁹¹ Он же. К вопросу о географическом методе анализа элементов этнографии и этногеографии // Этнография. 1928. Кн. 5. № 1. С.3-10; Он же. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Советский Север. 1930. № 6. С. 85-96; Он же. Шаманство // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 49. 7-ое издание. 1930. С. 55-64 и некоторые другие.

В России Богораз вместе с Штернбергом и Иохельсоном основал Русское отделение Союза американистов, которое поддерживало и укрепляло на протяжении многих лет связи с учеными и научными заведениями Америки, международным научным сообществом. С 1924 года Владимир Германович вновь регулярно принимал участие в Конгрессах американистов. На XXI конгрессе, проходившем в Гааге и Гетеборге, он сделал два доклада, один из которых был посвящен актуальным вопросам этнографических исследований на Севере,¹⁹³ второй - проблемам ранних миграций эскимосского населения между Азией и Америкой.¹⁹⁴ Для XXII конгресса, проходившего в 1926 году в Риме Богораз подготовил три доклада. В первом докладе рассматривались сюжеты, связанные с происхождением палеоазиатов,¹⁹⁵ во втором – история изучения амурского региона,¹⁹⁶ в третьем – мифологический мотив воскресения животных в фольклоре палеоазиатов.¹⁹⁷ В последний раз Богораз принял участие в XXIII конгрессе американистов, проходившем в 1928 году в Нью-Йорке. На этом конгрессе он прочитал два доклада. Тематика первого доклада была связана с вопросами распространения типов оленеводческого хозяйства у народов северной Евразии.¹⁹⁸ Второй доклад был построен на оригинальных сведениях по религиозным воззрениям аборигенов северной Азии и Америки.¹⁹⁹ Третий доклад о культурно-просветительной работе среди малых народов Севера²⁰⁰ был подготовлен Владимиром Германовичем совместно с его учеником Н.Леоновым. Кроме того, на конгрессе были представлены доклады учеников Богораза и Штернберга: Н.П.Дыренковой,²⁰¹ С.В.Иванова,²⁰² Н.Б.Вишневого.²⁰³

До конца 1920-х годов признанные патриархи отечественной этнографии, бывшие политические ссыльные, ставшие во многом благодаря взаимной поддержке учеными-

¹⁹² Bogoras, W. Elements of the Culture of the Circumpolar Zone // *American Anthropologist*. N.S. Vol. 31. # 4. 1929. Pp. 579-601 (эта же работа была опубликована в: *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1930; 1931*. Pp. 465-482); Он же. *Ethnographic Problems of the Eurasian Arctic // Problems of Polar Research*. American Geographical Society, Special Publ. # 7. 1928. Pp. 189-207.

¹⁹³ Bogoras, W. New problems of ethnographical research in polar countries // *Proceedings of the XXI International Congress of Americanists*. First Part, held in the Hague, August 12-16 1924. The Hague, 1924. Pp. 226-246.

¹⁹⁴ Bogoras, W. Early migrations of the Eskimo between Asia and America // *Congrès International des Américanistes*. Compterendu de la XXI Session deuxième partie tenue à Göteborg en 1924. Göteborg-Museum, 1925. Pp. 216-235. На русском языке: Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке // *Сборник МАЭ*. Том VI. 1927. С. 37-62. Результаты работы второй части конгресса в Гетеборге изложены: Богораз В.Г. XXI Конгресс американистов. (*Congrès International des Américanistes*. Compterendu de la XXI Session, Deuxième partie, tenue à Göteborg en 1924. Göteborg, Museum, 1925.) // *Этнография*. 1926. № 1-2. С. 125-131.

¹⁹⁵ Bogoras, W. Paleoasiatic tribes of South Siberia // *Atti del XXII Congresso Internazionale degli Americanisti*, Roma, Settembre 1926. Vol. 1. Roma, 1928. Pp. 249-272. На русском языке: Новые данные к вопросу о протоазиатах // *Известия Ленинградского государственного университета* Том. 1. Л., 1928. С. 235-243.

¹⁹⁶ Bogoras W. Le centième anniversaire des expéditions russes à l'Amérique du Sud // *Atti del XXII Congresso Internazionale degli Americanisti*, Roma, Settembre 1926. Vol. 2. Roma, 1928. Pp. 607-617.

¹⁹⁷ Bogoras, W. Le mythe de l'Animal-Dieux, mourant et ressuscitant // *Ibid*. Pp. 35-55. На русском языке: Богораз В.Г. Миф об умирающем и воскресающем звере // *Художественный фольклор (Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХИ)*, 1. М., 1926. С. 67-76.

¹⁹⁸ Bogoras, W. New data of the Types and Distribution of the Reindeer Breeding in Northern Eurasia // *Proceedings of the XXIII International Congress of Americanists*, held at New York, September 17-22, 1928. N.Y., 1930. Pp. 403-410.

¹⁹⁹ Bogoras, W. The Shamanistic Call and the Period of Initiation in the Northern Asia and Northern America // *Ibid*. Pp. 441-444.

²⁰⁰ Bogoras, W., Leonov, N. Cultural Work among the Lesser Nationalities of the North of USSR // *Ibid*. Pp.445-450.

²⁰¹ Dyrenkova, N.P. Bear Worship among the Tutkish Tribes of Siberia // *23rd International Congress of Americanists*. New York, 1930. Pp. 411-440.

²⁰² Ivanov, S.V. Aleut Hunting Headgear and Its Ornamentation // *23rd International Congress of Americanists*. New York, 1930. Pp. 477-504.

²⁰³ Vishnevsky, B.N. Contribution to the Anthropology of North-east Asiatic Tribes // *23rd International Congress of Americanists*. New York, 1930. Pp. 881-894..

этнографами, были персонами практически неприкасаемыми, хотя и подвергавшимися острой критике, поскольку при всех своих «заблуждениях» все же крайне мало подходили на роль пресловутых «буржуазных ученых». После смерти в 1927 году Л.Я.Штернберга Богораз, по своему народовольческому прошлому считавшийся сторонником русской школы субъективной социологии, испытавшим сильное влияние американской школы исторической антропологии,²⁰⁴ оказался единственным признанным лидером «немарксистской этнографии» в сибиреведении. В апреле 1929 года на известном совещании этнографов Москвы и Ленинграда Я.П. Кошкин (Алькор) охарактеризовал научные заслуги Богораз и его место в науке следующим образом: «Теперь о Владимире Германовиче в порядке самокритики. Владимир Германович - очень интересный профессор. Он глубже нас всех вместе взятых. Когда он написал свою «этногеографию», он сказал: я сделал первый шаг к марксизму. Скажите, хорошо это или нет. Я посмотрел и сказал. Успехов почти никаких нет, на марксистском фронте. Владимир Германович не обиделся, потому что, он себе отчетливо и ясно представляет, что то дело, которое он делает и то место, которое он занимает, достаточно почетно и необходимо для нашего государственного строительства и для внедрения марксистских идей в этнографическую науку».²⁰⁵

По существу это совещание явилось знаковым событием, внесшим принципиальные коррективы в развитие советской этнографии и судьбы представителей этой науки. Основным итогом совещания явилось фактическое прекращение дискуссии по вопросам общей этнографии. Один из ее ключевых вопросов – о предметных рамках науки – был объявлен разрешенным. Владимир Германович уклонился от участия в обсуждении теоретических вопросов, поднятых на совещании, и сосредоточился на вопросах скорее практических, выступив с докладом «Стационарный метод в этнографии». Высказанные им идеи о необходимости проведения длительных (стационарных) полевых исследований, которые невозможны без знания языка изучаемого народа и «желания исследователя помогать хозяйственному и культурному росту изучаемой народности»,²⁰⁶ были встречены одобрительно, вызвав много положительных откликов в прениях по докладам. В резолюции, принятой совещанием, отрицалось существование этнографии как самостоятельной науки с собственной теоретической базой. Основными объектами этнографического исследования становились отныне «социально-экономические формации в их конкретных вариантах».²⁰⁷ Все участники совещания – и молодые радикально настроенные ученые, и представители «старой школы» (за исключением П.Ф.Преображенского, чье особое мнение было зафиксировано в документах совещания) – проголосовали за данный вариант резолюции по общим вопросам этнографии. «Отныне решения совещания становятся обязательными для каждого этнографа, желающего активно содействовать социалистическому строительству в СССР», - эти слова, произнесенные председателем на заключительном заседании совещания, были встречены аплодисментами.²⁰⁸ «Едва ли все, кто поддержал ее, были согласны с принятыми решениями, в частности с упразднением теоретической этнологии. Подписавшись под резолюцией, ученые старой школы, вероятно, надеялись таким образом обеспечить продолжение своей профессиональной деятельности, пусть даже в резко сузившихся рамках», - абсолютно справедливо замечает Т.Д.Соловей.²⁰⁹

²⁰⁴ Алькор Я.П. Предисловие редактора // Богораз В.Г. Чукчи. Часть 1. Л., 1934. С. VI.

²⁰⁵ Стенограмма совещаний этнографов Москвы и Ленинграда. 05.04.1929 – 11.04.1929. Архив МАЭ РАН. Фонд К-1, опись 3, дело 7. Л. 534.

²⁰⁶ Богораз В.Г. Стационарный метод в этнографии. Тезисы доклада В.Г.Богораз // Этнография. 1929. № 2. С. 123-125.

²⁰⁷ Резолюция по докладам: П.Ф.Преображенского и В.Б.Аптекаря // Этнография. 1929. № 2. С. 118.

²⁰⁸ Там же. С.114.

²⁰⁹ Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // ЭО. 2001. № 3. С. 113.

В конце 1920-х годов в СССР сталинское руководство приступило к сворачиванию Новой экономической политики с ее многоукладностью в экономической и социальной сферах, ограниченным плюрализмом. В стране началась так называемая «революция сверху» – политика форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, потребовавшая от советской власти установления жесткого идеологического контроля во всех сферах, включая науку. После скандальных судебных процессов 1928-1931 гг. над «учеными-вредителями», началось фронтальное наступление на «буржуазных специалистов», занятых в промышленности, науке, системе высшего образования. В эти годы идеологической марксистской атаке подверглась Академия наук СССР, собравшая в своих стенах беспартийных ученых. В обществе формировалась атмосфера враждебности и подозрительности по отношению к кадрам старых специалистов. Любой из них мог быть заподозрен, по выражению И.В.Сталина, в «оппозиции строительству социализма».

Становившаяся все более жесткой и догматичной идеология советской науки вынуждала ученых считаться с «политическими» требованиями. Они обязаны были быть марксистами (по крайней мере, номинально) и демонстрировать свою приверженность марксистскому историческому эволюционизму как единственному универсальному закону развития человечества. Первую попытку «перехода на марксистские рельсы» - освоения марксистской идеологии в форме синтеза с антропогеографией Ф.Ратцеля Богораз предпринял в книге «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии»,²¹⁰ написанной на основе курса лекций, читавшихся им в 1926/27 гг. Отношение к марксизму как к одному из научных методов, равноценному с другими, равно как и попытка автора обосновать необходимость существования этнографии как особой науки, не могло не вызвать критики со стороны ультрарадикалов - сторонников «единственно верного учения», призывавших к ликвидации этнографии.

Как справедливо заметила Т.Д.Соловей, именно публикация в 1928 году этой книги Богораза, сразу же после выхода приобретшей широкую известность, послужила поводом для нового витка теоретической дискуссии по методологическим проблемам этнографии, проходившей на протяжении всех 1920-х годов. С трибуны Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, состоявшейся в Москве на рубеже 1928/1929 гг., В.Б.Аптекарь²¹¹ достаточно убедительно продемонстрировал методологическую вторичность монографии Богораза, в основе которой лежала переработка хорошо известных идей Ратцеля. Неуклюжая попытка Богораза применить марксистскую диалектику оказалась лишним аргументом в пользу тезиса Аптекаря о принципиальной несовместимости этнографии с марксизмом. А чрезвычайно широкое толкование предмета новой дисциплины - этногеографии - лишним раз подтверждало опасения, что буржуазная этнология представляет собой противостоящую марксизму метадисциплину.²¹² В ходе острой дискуссии о предмете этнографии и ее месте в ряду исторических наук,²¹³ Н.М.Маторин приводил в качестве классического примера пережитков биологизма и географизма в этнографии «эклектическую» «Этногеографию», а самого Богораза обвинял в вульгаризации марксизма, свойственной ему «диалектикой» и «производственным подходом». И, тем не менее, Н.М.Маторин отдавал дань заслугам Богораза и причислял его к «старым этнографам», желающих перестроиться на новый

²¹⁰ См., например, Зеленин Д.К. В.Г.Богораз – этнограф и фольклорист // Памяти В.Г.Богораза (1865-1936). Сборник статей. М.; Л., 1937. С. X111; Алькор Я.П. В.Г.Богораз-Тан (К 70-летию со дня рождения) // СЭ. 1935. № 4-5. С.4.

²¹¹ В.Б.Аптекарь - сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, незаурядный полемист, взявший на себе роль идейного вдохновителя и выразителя идей формировавшегося марксистского крыла в этнографии, впоследствии ставший одним из официальных лидеров «марксистской этнографии».

²¹² Соловей Т.Д. Указ соч. С.111.

²¹³ Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928-1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С.115.

лад.²¹⁴ В своих попытках «овладеть недоступной для него твердыней – марксистским методом»²¹⁵ авторитетный ученый, давно получивший мировое признание, вдруг превратился в «комсомольца». Именно так, по свидетельству Д.К.Зеленина, любил называть себя в разговорах со своими коллегами Богораз, понимая под этим свой «рост к марксизму».

В январе 1930 года в секции Общества историков-марксистов (ОИМ) Богораз выступил с докладом «О применении марксистского метода к изучению этнографических явлений». В своем выступлении в духе популярной в то время «самокритики» Владимир Германович призвал вести «внутреннюю борьбу с грузом этнографических сведений, которые есть у каждого этнографа за плечами», а затем «мера за мерой вводить новую терминологию, которая ближе подойдет к марксистскому заданию».²¹⁶ Попытка Богораза покаяться в прежних ошибках и приобщиться к предписанному толкованию вопроса, не встретила на этот раз уважительной и корректной по отношению к старшему и уважаемому коллеге реакции аудитории. Докладчик был буквально раздавлен своими оппонентами – выступившими в прениях В.Б.Аптекарем, М.Т.Маркеловым, С.А.Токаревым, С.П.Толстовым, Н.Ф.Яковлевым.²¹⁷

В статье «К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений», опубликованной в это же время, автор также отказался от своих прежних «этногеографических» построений. Теперь в изучении этнографических явлений он считал нужным руководствоваться, прежде всего, социальными категориями. В соответствии с резолюцией совещания 1929 года, предметная область этнографии сводилась к изучению общественных формаций, связанных с ранними производственными формами типа натурального хозяйства, изучению пережитков и реликтов прежних производственных форм, а также новообразований такого же типа, возникающих в более поздних общественных формациях, вплоть до настоящего времени. К предмету этнографии относилось также изучение социальных надстроек, соответствующих более ранним общественно-производственным формам, но нередко существующих в виде пережитков в позднее время. Все же Богораз счел нужным отметить, что применять понятие об определенных общественных формациях на ранних стадиях жизни человечества можно только с большой условностью, а в отношении малых народностей СССР такие общие понятия «постоянно ведут к очевидным недоразумениям».²¹⁸ Такого рода оговорки были несовместимы с формулировкой предмета и задач новой, марксистской этнографии, основанной на учении об укладах и формациях.²¹⁹ Статья была встречена сдержанной критикой. Д.К.Зеленин отмечал, что социально-экономические формации понимались автором не всегда правильно, он частично смешивал их со стадиями культуры, сильно преувеличивал роль народной техники, надстроечные идеологические явления механически выводил из разных форм хозяйственной деятельности и т.д.²²⁰ Несколько более удачной с точки зрения марксистской этнографии оказалась статья 1931 г. «Классовое расслоение у чукоч-оленевонов».²²¹ К новому анализу общественного строя изученных им народов Владимир Германович вообще возвращался в последние годы своей жизни не один раз,²²² но так и не

²¹⁴ Маторин Н.М. Указ.соч. С. 10.

²¹⁵ Зеленин Д.К. Указ.соч. С. X111.

²¹⁶ Соловей Т.Д. Указ.соч. С. 114.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Богораз В.Г.(Тан-Богораз В.Г.) К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений // Этнография. 1930. № 1-2. С. 3-56.

²¹⁹ Маторин Н.М. Указ.соч. С. 20.

²²⁰ Зеленин Д.К. Указ.соч. С. X111.

²²¹ Богораз В.Г.(Тан-Богораз В.Г.) Классовое расслоение у чукоч-оленевонов // СЭ. 1931. № 1-2. С. 93-116.

²²² Богораз В.Г. Новые данные по этнографии малых народностей Севера // Северная Азия». Кн.111. 1928; Он же. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Советский Север. № 6, с. 63-79; Он же. Северное оленеводство по данным похозяйственной переписи 1926-1927 гг.// СЭ. № 4. 1932; Он же.

сумел внести в этот вопрос полной «марксистской» ясности; напротив, вопрос этот в его работах так и остался запутанным и неразрешенным.²²³ Критике подвергалась и выдвинутая ученым в работах первого десятилетия XX века концепция развития религиозных идей первобытного человека – выделенные им пять стадий в развитии первобытного религиозного мышления.²²⁴

Очевидно, что в начале 1930-х годов положение В.Г.Богораза стало достаточно шатким. Его революционное народовольческое прошлое, глубокие и многосторонние связи с Ф.Боасом, способствовавшие взлету его карьеры и утверждению в качестве одного из наиболее высокопоставленных представителей российской академической элиты, вдруг обернулись другой стороной. Владимир Германович явственно чувствовал опасность, нависшую над его головой, и неустанно уверял власть в своей лояльности: «В настоящее время считаю себя насквозь проникнутым советским духом. В оценке политических и социальных событий весьма близок к коммунистам».²²⁵ Более того, он не только оправдывался сам, но и пытался «подправить» политическое лицо Боаса и несколько от него дистанцироваться: «Теперь он является другом СССР, деятельным членом американского отдела ВОКС, революционером и социалистом. Боас человек совершенно замечательный, но он имеет свою собственную биографию и в мою не вмешивается».²²⁶

Эти робкие попытки не спасали положения. Космополитизм Богораза в условиях опустившегося «железного занавеса» был абсолютно неуместен. В 1930 г. в столь хорошо знакомом ему помещении Американского музея естественной истории состоялось Международное совещание по плановому устройству этнографических и археологических экспедиций в полярной и субарктической зонах земного шара. СССР на этом совещании представлял В.Г.Богораз. На совещании говорилось о наличии большого количества «белых пятен», т.е. неисследованных областей на карте Союза, к которым был проявлен большой интерес. Сообщалось, например, что датская экспедиция, в лице ее начальника д-ра Расмусена, делала неоднократные попытки перебросить свои партии с американского берега Берингова пролива на побережье СССР. В 1925 году такая попытка удалась, и одна из партий провела некоторое время на мысе Дежнева. На совещании были предложены денежные средства для устройства иностранных экспедиций в северо-восточные области Сибири – самостоятельных или совместно с учеными СССР. Профессор Богораз твердо отстаивал иную точку зрения и говорил, что области и народы СССР должны быть изучаемы исключительно усилиями наших собственных ученых.²²⁷

Даже классический и, в общем, неоспоримый тезис о существенной роли полевой работы в этнографии был подвергнут критике. В 1931 г. Н.М.Маторин в установочной статье, опубликованной в журнале «Советская этнография» бросил следующую многозначительную фразу: «Рано или поздно и “полевая этнография”, разместившаяся под сенью Географического института и отдающая сильным душком старомодного

Социальный строй американских эскимосов // Вопросы истории доклассового общества. Сб. статей к 50-летию книги Фр.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.;Л. 1936. С. 8.

²²³ Зеленин Д.К. Указ.соч. С. XIУ.

²²⁴ Bogoras, W. Idées Religieuses des Tchouktchis // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 1904, t. 5 (V Série), c. 129-135; Religious Ideas of Primitive Man, from Chukchee Material // Internationaler Amerikanisten Kongress. XIV. Tagung. Stuttgart, 1904. 1906. С. 129-135. На русском языке эта работа вышла в 1908 г.: Религиозные идеи первобытного человека (По материалам, собранным среди племен северо-восточной Азии, главным образом среди чукоч) // Землеведение 1908. Т. 15. Кн. 1. С. 60-80; доклад на 12 Съезде естествоиспытателей и врачей в Москве в 1909 г. Он напечатан полностью в журнале «Этнографическое обозрение» 1910 г. (№ 1, с. 1-36).

²²⁵ Там же.

²²⁶ Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928-1930). Архив МАЭ РАН. К.1, оп. 1, № 383. Л.20.

²²⁷ Богораз В.Г.(Богораз-Тан В.Г.) Международное совещание по плану устройства экспедиций в полярной зоне //СЭ 1929. № 1. С.103-107.

народничества должна уступить свои позиции <...> всюду побеждающему, действенному марксизму».²²⁸

Однако, заслуги Богораза перед отечественной этнографией были неоспоримо велики. Он оставался авторитетным и признанным специалистом. Несомненным признанием выдающейся роли ученого в изучении этнографии Сибири явилась начатая еще при его жизни и при его непосредственном участии публикация русского перевода его классической англоязычной многотомной монографии о чукчах.

Перевод американского издания, по свидетельству автора, был выполнен им самим при участии С.Н.Стебницкого и М.Л. Стебницкой в самом конце двадцатых годов по инициативе К.Я.Лукса.²²⁹ Несмотря на очевидный эмпирический характер работы Богораза, сделанной в духе американской школы Боаса, ее «идеологические дефекты», терминологические огрехи и некоторый излишне подчеркнутый натурализм в описании сексуальной жизни чукчей, Институт народов Севера счел необходимым, идя навстречу назревшей потребности, опубликовать эту монографию. В предисловии к первой части предпринятого издания Я.П.Алькор (Кошкин) высоко оценил научное значение монографии: «Эта работа сделала эпоху в изучении чукотской народности и поставила Богораза в ряды крупнейших этнографов современности <...> Несмотря на то, что «Чукчи» написаны в начале XX века и покоятся на материалах конца XIX века, они сохранили свое значение и в настоящее время, ибо и сейчас нет другой работы, которая с такой обстоятельностью дала бы картину материального быта, религиозных верований и отчасти социального строя чукоч».²³⁰

Первая книга «Чукчи. Часть 1» - авторизованный перевод на русский язык американского издания тома «Социальная организация чукчей»,²³¹ вышла в 1934 году в Ленинграде в издательстве Института народов Севера ЦИК СССР. Автор счел необходимым дополнить это издание переводом первых четырех глав из первого по очередности тома американского издания «Чукчи. Материальная культура», содержащих некоторые общие сведения о чукчах (Гл. 1. Название и самоназвание. Гл. 2. Общая характеристика чукоч. Гл. 3. Сношения чукоч с русскими. Гл. 4. Чукотская торговля). Издание предварено обширным предисловием автора, в котором он, признавая определенные идеологические «огрехи» своего труда, писал: «Моя монография о чукчах мне кажется во многих местах устарелой, и я мог бы теперь изменить самый метод анализа. Я, однако, предпочел напечатать свой основной текст без всяких изменений в качестве исторического материала, написанного и изданного тридцать лет назад <...> Переходя к пересмотру всего материала моей монографии с новой точки зрения, я должен прежде всего отметить эмпирический характер своей работы. Я старался следовать за фактами и с некоторым трудом решался на обобщения. Ибо я должен сказать вообще, что во время моей полевой работы, а также и после того я относился с недоверием ко всем существовавшим в то время теориям развития первобытного общества. В этом отношении я в то время больше приближался к Францу Боасу, который до сих пор во всех этнографических и социологических вопросах занимает такое же преувеличенно осторожное, скептическое положение».²³² Сам же автор, как он с удовлетворением отмечает в предисловии, в конце концов, смог отказаться от своего «закоренелого скептицизма» и в 1930 году написал статью «К вопросу о приложении марксистского метода к изучению этнографических явлений». «Этот новый метод научного марксизма я

²²⁸ Маторин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии //СЭ. 1931. № 1-2. С.12.

²²⁹ Богораз В.Г. Чукчи. Часть 1. Л., 1934. С. XIV.

²³⁰ Там же. С. XIV- XV.

²³¹ Bogoras, W. The Chukchee Social Organisation. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. New York. Vol. 7. Part 3. Leiden-New York, 1909. С. 537-733.

²³² Богораз В.Г. Чукчи. Часть 1. С. XIV- XV.

стараюсь усвоить по мере своих сил и разума и применяю его в своих работах так, как велит мне моя совесть ученого».²³³

В 1939 году вышла вторая книга серии «Чукчи. Часть II. Религия» - также авторизованный перевод американского издания тома под тем же названием. Вышедшее уже после смерти Владимира Германовича издание снабжено обширным предисловием Ю.Францова, в котором говорится о многочисленных «ошибках» автора в понимании сущности описываемого им феномена, но признается, что «монография, оставившая серьезный след в этнографической науке, несмотря на все свои недостатки, не потеряла значения и до сегодняшнего дня», и «своим огромным фактическим материалом окажет помощь тому, кому приходится изучать народные верования, чтобы бороться с ними».²³⁴

Издание «Материальной культуры чукчей» тогда по каким-то причинам не состоялось. Эта часть монографии Богораза была опубликована только в 1991 году под редакцией, с предисловием и примечаниями И.С.Вдовина.²³⁵

Как и прежде на протяжении всей его жизни, наряду с чрезвычайно активной, обширной и плодотворной научной, преподавательской, организационной работой, Владимир Германович с не меньшей энергией отдавался публицистической и литературной деятельности. Он внимательно следил за творчеством авторов, писавших о «земле его юности» - Севере. Обзору советской художественно-этнографической литературы 20-30-х годов он посвятил специальную статью, опубликованную в научном этнографическом журнале.²³⁶ С середины 20-х годов снова вплотную занялся художественным творчеством и уже в 1928 г. опубликовал роман «Союз молодых».²³⁷ Повествование охватывает время первой русской революции, Октября и гражданской войны в Колымском крае. Незадолго до своей смерти Богораз завершил работу над романом «Воскресшее племя» (1935),²³⁸ внутренне связанным с «Союзом молодых». В этом последнем своем произведении ему хотелось показать, как шло «возрождение после революции самого несчастного из северных племен, забитого, разоренного, полуистребленного народа, юкагиров». Собрания беллетристических сочинений В.Г.Богораза издавались неоднократно. В 1904 году в издательстве «Н.Глаголев» вышло 6-ти томное собрание его очерков и рассказов.²³⁹ В 1910-1911 годах издательство «Просвещение» опубликовало достаточно полное 12-томное собрание сочинений В.Г.Тана.²⁴⁰ В 1929 году вышло 4-х томное собрание сочинений,²⁴¹ включавшее наиболее популярные произведения Богораза: «Чукотские рассказы», «Охотничьи рассказы» и романы - «Восемь племен» и «Жертвы дракона». Стихотворения Богораза, впервые вышедшие отдельной книгой в 1900 г.,²⁴² затем были трижды переизданы в 1905, 1906 и 1910 годах. Некоторые из рассказов Тана переведены на английский, немецкий и польский языки.²⁴³

10 мая 1936 г. Богораз скоропостижно скончался в вагоне поезда на пути из Ленинграда в Ростов-на-Дону, и похоронен в Ленинграде на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Заслуги В.Г.Богораза перед отечественной, да и мировой этнографией, лингвистикой, фольклористикой должны быть оценены чрезвычайно высоко. В.Г.Богораз – признанный классик отечественной этнографии. Его многочисленные труды,

²³³ Там же. С. XXX.

²³⁴ Богораз В.Г. Чукчи II. Религия. Л., 1939. С.VII.

²³⁵ Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.

²³⁶ Богораз В.Г.(Тан-Богораз В.Г.) Этнографическая беллетристика // СЭ, 1931, №3-4, с. 135-155.

²³⁷ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Союз молодых. М.;Л., 1928.

²³⁸ Богораз В.Г.(Тан-Богораз В.Г.) Воскресшее племя. М., 1935.

²³⁹ Тан. Очерки и рассказы. Т. 1-6. СПб., 1904.

²⁴⁰ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Собр.соч. Т.1-12. СПб., 1910-1911.

²⁴¹ Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Собр.соч. Т. 1-4. М.;Л. 1929.

²⁴² Богораз В.Г.(Тан В.Г.) Стихотворения. СПб., 1900.

²⁴³ Алькор Я.П. Указ соч. С. 8.

посвященные языкам и культуре народов Крайнего Северо-Востока Сибири,²⁴⁴ до сих пор не утратили своей научной ценности. «И в наше время труды Богораза по этнографии чукчей также не потеряли своего научного значения. Они важны для нас как обстоятельное и убедительное, глубокое и всеохватывающее описание жизни чукчей, их культуры и быта конца XIX – начала XX в. Эти труды являются также весьма ценным, порой единственным, источником при изучении истории и этнографии чукчей вообще. Ни один исследователь прошлого и настоящего чукчей и вообще истории Северо-Востока Сибири не может обойтись без этих капитальных трудов», - писал И.С.Вдовин в послесловии к завершающей части издания эпохального труда В.Г.Богораза.²⁴⁵ Несомненной заслугой Владимира Германовича является и разработанная им методика экспедиционной этнографической работы. По-прежнему актуальны его идеи о невозможности полноценной научно-исследовательской работы без знания языка изучаемого народа, без основательной полевой подготовки. Выдающимися представляются достижения В.Г.Богораза на ниве преподавательской и организационной научной деятельности. Он стоял у истоков отечественной этнографической школы, подготовил и дал путевку в жизнь многочисленной когорте учеников и последователей – замечательных отечественных ученых-этнографов и лингвистов. Неоспоримы и большие заслуги Владимира Германовича в области проведения национальной политики, которую он старался строить в соответствии со своими гуманистическими устремлениями - в духе любви и уважения к коренным народам Севера.

Специфика этой публикации определяет первоочередное внимание к научной деятельности Богораза. Владимир Германович был человеком неординарным, щедро и многосторонне одаренным, наделенным неумной энергией. Говорить о нем только как об известном ученом, выдающемся исследователе культуры коренных народов Крайнего Северо-Востока Азии - значит чрезвычайно обеднять его личность. Жесткие и сухие рамки науки были для него всегда несколько стеснительны и даже как будто скучны. Его деятельной натуре, пожалуй, больше была свойственна общественная деятельность, которой он всегда отдавался с самоотверженностью и кипучим энтузиазмом. Не менее важным представлялось самому Богоразу и его литературное творчество. Безусловно, он не был литератором первого ряда, но его прозаические и поэтические произведения до сих пор находят своего благодарного читателя и критика.

Владимир Германович прожил достаточно долгую, непростую, богатую событиями и неожиданными поворотами судьбы жизнь. Будучи человеком своего времени, он в полной мере испытал тяжкие удары судьбы, взлеты и падения, разочарования и искушения. Он гнулся, но не ломался, сохранив верность своим научным и личностным идеалам. Он был подлинным романтиком в науке и жизни.

---

²⁴⁴ Наиболее полная библиография научных трудов В.Г.Богораза (110 публикаций) составлена И.Н.Винниковым. См.: Винников И.Н. Библиография этнографических и лингвистических работ В.Г.Богораза // СЭ. 1935. № 4-5. С. 235-241

²⁴⁵ Вдовин И.С. Послесловие // В.Г.Богораз. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 221.